

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ст. 13 / 2
ЧАСТЬ СЛІХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печати В. Головина, Владимірская, домъ № 15.

1872.

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВЕЩЕНІЯ.**

ОТДѢЛ.

О книгѣ: „Хлѣбъ насущный, или краткое объясненіе молитвы Господней, символа вѣры и заповѣдей Божіихъ“. Н. Смирнова	25
О книгѣ: „Доброе чтеніе православнымъ“	—
О книгѣ: „Геометрическія приложенія къ именованнымъ числамъ. Для учителей народныхъ и полковыхъ школъ“	—
О книгѣ: „Церковная грамота“. В. Д.	64

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Мысли о реализмѣ въ литературѣ. А. В. Никитенко	1
Василій Назарьевичъ Карзининъ и открытіе Харьковскаго университета. Н. А. Лавровскаго	57 и 197
Обращеніе Гедемина въ католичество. В. Г. Васильевскаго.	135

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Важнѣйшіе моменты юго-славянской исторіи. А. С. Будиловича	107
Западно-русскія археографическія изданія. М. О. Колловица	248

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Городскія училища Берлина съ экономической и административной стороны. А. І. Кочетова	1
Къ вопросу о книгѣ для чтенія въ высшей народной школѣ. С. И. Миропольскаго	22
Мѣнія иностранныхъ педагоговъ въ северной Германіи, Баденѣ, Виртембергѣ и Бельгіи о проектѣ устава реальнѣхъ училищъ въ Россіи. И. В. Штейнмана	95
Русскія письменныя упражненія гимназическаго курса. Ив. В. Газрилова	117
Замѣтка о преподаваніи математики въ нашихъ гимназіяхъ. К. Мазита	162
Уставъ гимназій и прогимназій 30-го іюля 1871 года. Г. И. Кандкова	174

ОБРАЩЕНИЕ ГЕДИМИНА ВЪ КАТОЛИЧЕСТВО.

I.

Въ первой четверти XIII столѣтія Христіанъ, монахъ монастыря Оливскаго на Славянскомъ Поморьѣ, началъ свою проповѣдническую дѣятельность у соплеменныхъ Литовцамъ Прусовъ. Мирная проповѣдь усерднаго миссіонера на первый разъ оказалась малоуспѣшною, а христіанская церковь запада всегда была слишкомъ мало терпѣлива, чтобы спокойно полагаться на дѣйствіе времени и силу духовнаго убѣжденія; къ тому же она обладала такими могучими средствами внѣшняго, матеріальнаго принужденія, что отказаться отъ нихъ было бы необычайнымъ самоотверженіемъ со стороны ея представителей, особенно въ тотъ вѣкъ и въ ту эпоху. То было время крестовыхъ походовъ; мысль о возвращеніи Святой земли, о борьбѣ съ Сарацинами еще не была покинута, хотя уже давно не было ни первоначальнаго энтузіазма, ни прежней вѣры. „Христіанскій Богъ, очевидно, не хочетъ заботиться о мѣстахъ священныя для христіанства, онъ покровительствуетъ явно мусульманамъ: зачѣмъ я буду идти противъ Его воли и проливать свою кровь за дѣло, которое оставляетъ Тотъ именно, Кого оно всего ближе касается“. Такія идеи высказывались въ странѣ, принимавшей самое ревностное участіе въ первомъ крестовомъ походѣ, на югъ Франціи. Если въ болѣе холодной и благоразумной Германіи такія вольнодумныя мысли и не находили отголоска, то здѣсь давно нашли средство сдѣлать дорогу въ рай болѣе близкою и удобною, даже болѣе выгодною, нашли средство направить религиозное одушевленіе въ пользу тевтонизма. Уже во второмъ крестовомъ походѣ сѣверная Германія, съ разрѣшенія папы и съ благословенія св. Бернарда, отправилась въ землю Полабскихъ Славянъ „для совершеннаго истребленія, или по крайней мѣрѣ, обращенія этихъ народовъ“ въ христіанство. Этотъ первый опытъ

замѣны отдаленныхъ враговъ христіанства болѣе близкими найденъ былъ очень полезнымъ. Нерѣдко бывали случаи, что объѣтъ путешествія въ Палестину, данный въ тяжелой болѣзни или въ большой жизненной крайности, казался потомъ тяжелымъ и неудобноисполнимымъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ такимъ, когда болѣзнь прошла, гроза миновала. Какая радость для людей, находящихся въ такомъ положеніи, когда оказывалось, что незачѣмъ ходить такъ далеко, что борьба за крестъ съ Сарацинами Азіи можетъ быть легко замѣнена походомъ на болѣе близкихъ европейскихъ Сарациновъ. Эти Сарацины въ Европѣ найдены были именно въ лицѣ языческихъ Пруссовъ и Литовцевъ: такъ стали называть въ католической Европѣ язычниковъ сѣвера со времени перваго ближайшаго знакомства съ ними; противъ нихъ-то стали направляться благочестивые воители, для которыхъ слишкомъ далеки были Сарацины Азіи. — Вотъ архіепископъ Гнѣзненскій, вслѣдствіе приглашенія папы Гонорія III, собралъ крестоносную дружину изъ ревностныхъ христіанъ своей духовной паствы; слабость силъ препятствуетъ ему однако отправиться въ далекій путь; его благочестивая рать почти вся состоитъ изъ людей, отъ которыхъ нельзя ожидать большой пользы для Святой земли: они до такой степени бѣдны, что едва-ли имѣютъ достаточно денежныхъ средствъ на путевыя издержки въ Палестину. Пала Гонорій III, по ходатайству епископовъ и князей Гнѣзненской духовной провинціи, освобождаетъ отъ тяжелаго подвига всѣхъ, кто можетъ сослаться на слабость силъ, начиная съ самаго архіепископа, и всѣхъ, кто страдаетъ недостаткомъ средствъ; вмѣсто Палестины онъ благословляетъ ихъ идти въ Пруссію на борьбу съ язычниками, которые уже начали тревожить своихъ христіанскихъ сосѣдей въ польскихъ областяхъ (1217 года)¹⁾. Вотъ какой-то польскій князь далъ обѣщаніе принять на себя крестъ для борьбы за гробъ Господень и своею медленностію уже вызвалъ напоминаніе и увѣщаніе святаго отца. Но святой отецъ долженъ былъ узнать, что его духовный сынъ никогда не будетъ въ состояніи отправиться въ Палестину; ибо, вопервыхъ, онъ страдаетъ тяжелою тучностію тѣла — это одно уже дѣлаетъ затруднительнымъ всякое далекое перемѣщеніе; а воторыхъ, по привычкѣ, обратившейся въ натуру, онъ не можетъ пить ничего другого, кромѣ

¹⁾ *Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. I, № 4:* папская булла отъ 14-го февраля 1217 года, то-есть, первая булла о крестовыхъ походахъ противъ Пруссовъ. Она напечатана также въ *Codex diplom. Pragae*, но съ худой, по видимому, копіи и съ пропусками.

пива или меду. Эти препятствія, дѣлая неудобнымъ путешествіе въ Святую землю, не отнимаютъ у него однако возможности отправиться въ сосѣднюю Пруссію для защиты тамошнихъ новообращенныхъ христіанъ и для обращенія еще остающихся въ язычествѣ, что именно и рекомендуетъ тучному князю римскій первосвященникъ ¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ продолжались крестовые походы противъ Пруссовъ (изъ Германіи, Польши, Чехіи), на помощь Христіану, сдѣланному уже епископомъ Пруссіи. Польза отъ этихъ походовъ была небольшая, хотя крови было пролито немало, тѣмъ болѣе, что какъ видно изъ увѣщаній папскихъ, крестоносцы думали больше о мірскихъ выгодахъ, чѣмъ о служеніи Богу. Они заботились не столько объ обращеніи языческихъ Пруссовъ, сколько о покореніи ихъ своей власти.

Временные крестовые походы, не принося прочнаго успѣха, только сильнѣе раздражали прежде мирныхъ Пруссовъ; за разореніе своей земли они мстили не менѣе разорительными набѣгами на сосѣднюю Польшу. Болѣе всѣхъ другихъ сосѣдей могъ жаловаться на прусскихъ измѣнниковъ одинъ изъ тогдашнихъ удѣльныхъ польскихъ князей, Конрадъ Мазовецкій. Вторгавсь въ его владѣнія, Пруссы страшно опустошали страну, убивали взрослыхъ, уводили толпами въ плѣнъ дѣтей и женщинъ на вѣчное рабство, сожигали и оскверняли церкви, особенно враждуя, по видимому, противъ христіанской святыни, во имя которой сокрушались ихъ идолы. Двѣсти-пятьдесятъ церквей приходскихъ, не считая монастырей, были разрушены; изъ всѣхъ городовъ и крѣпостей Мазовіи одинъ только Плоцкъ на Вислѣ остался неприкосновеннымъ. Въ какомъ затруднительномъ положеніи находился Конрадъ — лучше всего показываетъ одинъ разказъ, который мы находимъ у первоначальнаго историка тевтонскаго ордена въ Пруссіи (Петра Дузбургскаго). Польскій князь не смѣлъ отказать Пруссамъ въ чемъ бы то ни было, когда они присылали къ нему съ требованіемъ подарковъ; онъ не долженъ былъ скупиться ни на лошадей, ни на красивыя пестрыя платья, любимыя Пруссами. Однажды, не имѣя чѣмъ удовлетворить требованію Пруссовъ, онъ пригласилъ къ себѣ на пиръ своихъ пановъ съ ихъ женами, и пока тѣ сидѣли за столомъ, онъ велѣлъ своимъ служителямъ тайкомъ отобрать лошадей и одежду своихъ гостей и отдать все это посламъ, пришедшимъ отъ Пруссовъ ²⁾.

¹⁾ *Theiner, Vetera Monum.*, I, № 26 (1221 г.).

²⁾ *Petri de Dusburg chronica terrae Prussiae: Scriptores rerum Prussicarum.* I, 34.

Столько же недалководидный, сколько и слабый, князь Мазовецкій, по совѣту архіепископа Христіана, рѣшился призвать себѣ на помощь славившійся тогда въ Европѣ орденъ тевтонскій, не думая о томъ, что воинственный орденъ, принимающій въ свою среду только Нѣмцевъ, покровительствуемый германскимъ императоромъ, имѣющій полади себя страшную силу непріязненнаго Славянамъ тевтонизма, можетъ сдѣлаться болѣе непріятнымъ сосѣдомъ, болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ сравнительно немногочисленные Пруссы, во всякомъ случаѣ осужденные на духовное, а вѣроятно, и политическое подчиненіе сосѣднему и высшему (по развитію славянскому племени. Основанный въ Палестинѣ еще въ 1191 году для ухода за больными пилигримами и для борьбы съ невѣрными, „орденъ тевтонскаго госпиталя св. Маріи въ Іерусалимѣ“, точно также какъ крестоносцы, нами упомянутые, охотно промѣнялъ борьбу противъ Сарацинъ Азіи на борьбу противъ Сарацинъ Европы. Въ 1226 году онъ получилъ дарственную грамоту отъ Конрада на область Кульмскую (Хелмскую) и право на тѣ языческія земли, которыя онъ завоеуетъ силою. Въ 1230 году папа Григорій IX подтвердилъ даръ князя Мазовецкаго, поощряя рыцарей къ неустанной и ревностной борьбѣ съ невѣрными. Святой отецъ писалъ въ своей буллѣ, что Богъ могъ бы истребить своихъ враговъ однимъ Своимъ словомъ; если Онъ этого до сихъ поръ не сдѣлалъ, то только потому, что хотѣлъ оставить такой удобный случай угодить Ему вѣрующимъ въ Него христіанамъ¹⁾.

Началась постоянная и кровавая борьба во имя христіанства противъ языческихъ Пруссовъ и противъ Славянъ съ ними сосѣднихъ. Между князьями Славянскаго Поморья нашелся одинъ, который понималъ страшную опасность утвержденія Нѣмцевъ на Вислѣ и рѣшился подать руку Пруссамъ, не смотря на угрозы и проклятія, которыми грозили изъ Рима. Но онъ не могъ удержать страшнаго напора.

Не всегда нравственны и очень мало челоуѣколюбивы были тѣ средства, которыми рыцари Христа пользовались для достиженія своей цѣли. Не столько въ проповѣди и въ обращеніи язычниковъ состояла эта цѣль, сколько въ ихъ истребленіи или изгнаніи изъ отечества. Уже въ 1240 году епископъ Пруссіи, все тотъ же Христіанъ, долженъ былъ жаловаться папѣ, что братія Іерусалимскаго госпиталя св. Маріи не допускаютъ новообращенныхъ Пруссовъ до благодати крещенія, приводя въ оправданіе своего безразсудства то основаніе,

¹⁾ *Theiner, Veter. Monum., I, № 38.*

будто господство надъ язычниками для нихъ надежище и крѣпче власти надъ людьми, вѣрующими въ Бога; мало того, писалъ далѣе Христіанъ, они подвергаютъ разнымъ мученіямъ уже крещенныхъ неопитовъ, если тѣ, обзавшись епископу клятвою вѣрности и желая сохранить ее, не хотятъ имъ быть во всемъ послушными; страхъ такихъ истязаній уже принудилъ многихъ возвратиться въ заблужденіямъ невѣрія; рыцари, заявляя наконецъ епископъ Пруссіи, препятствуютъ благочестивымъ иноземцамъ строить христіанскія церкви для новыхъ вѣрующихъ и даже построенныя передаютъ въ руки язычниковъ¹⁾.

Мы сейчасъ увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ „Божіи дворяне“ (какъ называются въ русскихъ лѣтописяхъ рыцари) ревниво оберегали свое право обращенія язычниковъ и неохотно дѣлились онымъ съ другими. Въ 1253 году князь Ленчицкій и Куявскій извѣстилъ Иннокентія IV, что сосѣдніе съ его владѣніями язычники, жители Полясья (Poloxia), добровольно хотятъ обратиться въ христіанство, если только этотъ государь приметъ ихъ подъ свою власть и покровительство, не отнимая у нихъ свободы. Святой отецъ разрѣшаетъ польскому князю согласиться на просьбу. Правда, замѣчаетъ онъ въ своей буллѣ, вся земля Прусская (въ которую папа включаетъ землю Ятвяговъ — Полясье) уступлена братьямъ дома тевтонскаго, но только та земля, которую они покоряютъ себѣ мечемъ и войной, а эти язычники хотятъ добровольно, а не по принужденію сдѣлаться христіанами²⁾. Папская курія возвысилась на этотъ разъ до того гуманнаго, или лучше сказать, истинно-христіанскаго воззрѣнія, что и обращеніе должно быть добровольнымъ, а не вынужденнымъ, и что самъ Богъ не принимаетъ вынужденнаго служенія Ему³⁾. Забывая, однако, свои прежнія увѣщанія „воевать крѣпкою десницею“, „сокрушать сильною рукою“ язычниковъ, давая христіанскому принципу только случайное приложеніе, она какъ будто говорила тевтонскимъ рыцарямъ: земля, которую вы обратите силою въ христіанство, принадлежитъ вамъ, землю, которая обратится добровольно, я могу дать кому захочу. Какія отсюда вытекли слѣдствія, мы хорошо увидимъ дальше, а те-

¹⁾ *Theiner, Vetera Monum.*, I, № 75.

²⁾ *Theiner, Vetera Monum.*, I, № 110 (булла отъ 19-го мая 1253 г.).

³⁾ *Quia gratuita esse debet conversio, non coacta et ipse Deus coacta servitia non accipiat. Theiner, Veter. Monum.* I, № 139. Булла Александра IV (отъ 15-го іюня 1256 г.) называетъ язычниковъ *gentiovi* то-есть Ятвяги, тогда какъ въ буллѣ Иннокентія IV сказано: *pagani terrae quae Poloxia vulgariter appellatur.*

нерь пока посмотримъ, что сдѣлали въ этомъ случаѣ рыцари. Не желая отказаться отъ своего права обращать мечемъ, они вошли съ оружіемъ въ рукахъ въ землю Ятвяговъ (въ Полѣсье), „не безъ большаго пролитія крови“ покорили ее себѣ, и не взирая на всѣ угнѣзненія папскаго легата, не хотѣли отказаться отъ своей добычи, такъ что тотъ долженъ былъ произнести противъ нихъ отлученіе отъ церкви ¹⁾.

Нельзя не признать, что у рыцарей нѣмецкихъ слова, по крайней мѣрѣ, соответствовали дѣйствіямъ и дѣйствія словамъ. Истреблять, искоренять, вырывать изъ рукъ — вотъ тѣ христіанскія выраженія, которыми орденъ обозначалъ свои отношенія въ Пруссамъ. Орденъ для того и существуетъ, чтобы сильною рукою воевать враговъ креста, для того и учрежденъ, чтобы истреблять ихъ, для того, наконецъ, и утвержденъ Римскимъ первосвященникомъ, чтобы вырвать изъ рукъ язычниковъ ихъ земли и владѣнія, обративъ оныя въ свою пользу для возвеличенія католической вѣры: такъ опредѣляли назначеніе ордена его официальные представители ²⁾.

Трудно было несогласнымъ и раздѣленнымъ Пруссамъ бороться противъ страшной силы ордена, поддерживаемой въ случаѣ нужды новыми толпами временныхъ крестоносцевъ. Правда, и Пруссы могли бы найти себѣ помощь у близкихъ и соплеменныхъ Литовцевъ. Но, во-первыхъ, у самой Литвы подъ бокомъ существовалъ съ давняго времени такой же опасный и грозный врагъ. Ко времени утвержденія Нѣмцевъ на берегахъ Вислы, ливонскій орденъ Меченосцевъ уже успѣлъ въ свою очередь покорить Ливонію, Курляндію и Семигалию. Въ 1236 году произошло первое большое столкновеніе ливонскихъ рыцарей съ языческою Литвою. „Въ этомъ году“, говоритъ русская лѣтопись, „пришли въ силѣ великой Нѣмцы изъ заморья въ Ригу; здѣсь соединились съ ними Рижане, вся Чюдская земля, союзные Псковичи прислали отъ себя 200 человекъ; и пошли всѣ на безбожную Литву. Но христіанское ополченіе было разбито безбожными погаными; едва одинъ изъ десяти воротился домой изъ похода“ ³⁾. Литва побѣдила,

¹⁾ *Theiner*, *Vetera Monum. Polon.*, I, № 142 (булла отъ 5-го января 1257 г.)

²⁾ На судъ предъ папскимъ легатомъ (Бенедиктомъ Макроу въ 1411 г.). *De facto ad hoc eorum ordo a Romano pontifice principaliter et specialiter est institutus et confirmatus, ut quoslibet hostes crucis christi invadere, eosque cum potentia exterminare et terras eorum seu dominia de manibus eorum eripere et in usus suos convertere pro augmento catholicae fidei possit valeat et debeat.* *Dzialyński*, *Lites acres gestae*, III, 148; *Voigt*, *Geschichte Preussens*. IV, 2.

³⁾ Новгород. первая лѣтопись подъ 6765 г.

но не умѣла воспользоваться своею побѣдой; ливонскій орденъ устоялъ, найдя для себя онору въ родственномъ по назначенію и національному составу орденѣ тевтонскомъ, даже соединившись, или лучше сказать слившись съ послѣднимъ въ одно цѣлое, тѣмъ болѣе грозное для сосѣдей (1237 года).

Вовторихъ, и Литва, подобно Пруссамъ, долго оставалась раздѣленною на множество мелкихъ, самостоятельныхъ удѣловъ, властители которыхъ были способны соединиться только для случайнаго набѣга, кратковременной помощи своимъ собратьямъ въ Пруссіи, а никакъ — для систематическаго и постояннаго отпора враждебнымъ силамъ германизма. Только при Миндовгѣ, довольно безцеремонно начавшемъ истреблять литовскихъ „кунигасовъ“ (мелкихъ князьковъ), обнаруживается мысль о нѣкоторомъ политическомъ объединеніи. Къ несчастію, обстоятельства сложились такъ, что противъ домашнихъ враговъ, стоявшихъ по дорогѣ къ его цѣли, Миндовгъ долженъ былъ искать себѣ опоры въ тѣхъ же самыхъ врагахъ своего племени, въ рыцаряхъ тевтонскаго ордена; онъ принялъ христіанство и крестился въ Ригѣ. Орденъ, существовавшій для распространенія христіанства, не любилъ, какъ уже замѣтили, добровольныхъ обращеній въ христіанство. Владыка католическаго міра сказалъ: что завоеуете мечемъ и войной у язычниковъ, то будетъ ваше; слѣдовательно, обращаться въ христіанство безъ содѣйствія войны и меча рыцарей значило отнимать у нихъ добычу, лишать ихъ права на подлежащія завоеванію языческія земли. На этотъ разъ, однако, орденъ нисколько не противодѣйствовалъ обращенію Миндовга, желая достигъ своей цѣли другимъ путемъ. Ни малѣйшаго сочувствія къ вѣроисповѣданію, которое до сихъ поръ предлагалось на остріѣ меча, въ Литовцахъ не было; по ихъ понятіямъ, склонить голову подъ иго Христа, проповѣдуемаго римскими миссіонерами, значило склонить голову подъ тяжелое иго нѣмецкое, что, къ несчастію, было почти вполне справедливо. Принявъ при такихъ условіяхъ христіанство, Миндовгъ сдѣлался покорнымъ орудіемъ въ рукахъ ордена. Рыцари охотно и усердно поддерживали человѣка, принятаго ими отъ христіанской купели, противъ домашнихъ враговъ, которыхъ послѣ крещенія у него стало больше. Поддерживали, разумѣется, не даромъ. Одинъ годъ за другимъ, съ незначительными промежутками, являлись записи Литовскаго князя, которыми онъ даритъ рыцарямъ то одну землю, то другую; разъ отказываетъ имъ, въ случаѣ немѣнныя законныхъ наслѣдниковъ, всѣ свои владѣнія, потомъ снова передаетъ еще при жизни отдѣльныя области.

„Чтобъ имѣть силу совершить то, что нами начато, и подавить сильною рукою противниковъ вѣры и возмутителей королевства нашего (*turbatores regni nostri*), намъ была необходима помощь магистра и братья ордена.... Хотя милиція братьевъ помянутаго ордена именно и учреждена противъ возмутителей вѣры и церкви, хотя они всегда готовы подать свою помощь намъ еще болѣе, чѣмъ прочимъ христіанамъ, безъ особеннаго вознагражденія съ нашей стороны, считая достаточною наградой жизнь вѣчную, однако, — чтобъ они могли болѣе дѣйствительнымъ образомъ исполнить свою обязанность вспомошествованія намъ, что для насъ такъ необходимо, — мы уступаемъ имъ нижеписанныя земли“. Такъ мотивируются всѣ записи Миндовга рыцарямъ ¹⁾. Онѣ, какъ можно видѣть по приведенному образцу, отличаются весьма страннымъ со стороны Миндовга тономъ и весьма сильно отзываются тѣмъ благочестивымъ лицемѣріемъ, которое было такъ присуще военно-монашескому братству Іерусалимскаго госпиталя. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Миндовгъ, для лучшей защиты себя и своихъ владѣній чуть не отдавшій всѣхъ своихъ владѣній въ чужія руки, дѣйствительно подписалъ одну за другою эти грамоты; ихъ подлинность не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя однако не подумать, что кто-нибудь близкій къ ордену, считающему жизнь вѣчную достаточною наградой за свои услуги, диктовалъ щедрныя записи Литовскаго князя. Въ такомъ случаѣ орденъ слишкомъ сильно натянулъ струну, и она лопнула. Возстаніе противъ невыносимаго ига между Пруссамъ и сильное пораженіе, понесенное орденомъ на рѣкѣ Дурбѣ, заставили Литовскаго князя сбросить маску и обнаружить свои истинныя сочувствія, а они звали его на кровавую борьбу противъ пришельцевъ заодно съ соплеменниками.

Возстаніе, въ которомъ замѣшанъ Миндовгъ, есть второе возстаніе Пруссковъ противъ ордена; оно было самымъ страшнымъ и опаснымъ для нѣмецкихъ рыцарей, но вовсе не было послѣднимъ. Еще три раза угнетаемая и искореняемая народность поднималась на защиту своего существованія; болѣе полустолѣтія прошло отъ сліянія обонхъ орденовъ въ одинъ, цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ неустанной и непрерывной кровавой работы потребовалось для окончательнаго покоренія Прус-

¹⁾ *Raczynski*, Codex diplomat. Lithuaniae № 10, pag. 15. Ср. №№ 4, 7, 8, 9 и особенно 12-й. Вопросъ о подлинности грамотъ очень подробно разобранъ Шегреномъ (въ сочиненіи *Ueber die Wohnsitze der Jatwager*) и Воннелемъ (*Ueber einige Ereignisse aus der Zeit Mindowe's von Litthauen: Livländ. Mittheilungen* IX, p. 42. 284); сомнѣнія остаются только въ отношеніи къ одной изъ нихъ.

совъ, Земнголы и Куровъ подъ нѣмецкое иго. Теперь же очередь была за Литовцами: они должны были заплатить за свое вмѣшательство въ пользу единоплеменниковъ.

II.

„Въ лѣто Господне 1283 когда отъ начала войны противъ племени прусскаго протекло уже 53 года, и всѣ народы въ сказанной землѣ были завоеваны или истреблены, такъ что не оставалось ни одного человѣка, который не склонялъ бы покорно своей главы подъ власть римской церкви, — братья дома тевтонскаго начали войну противъ племени могущественнаго, жестковѣйнаго и опытнаго въ войнѣ, которое жило по сосѣдству съ землею Прусскою за рѣкою Нѣманомъ, въ землѣ Литовской“¹⁾.

Нѣмцы встрѣтили „въ жестковѣйномъ“ народѣ литовскомъ отпоръ суровый и непреклонный. Усиленные присоединеніемъ сосѣднихъ русскихъ княжествъ, жители которыхъ сообщали имъ свою высшую цивилизацію и свою большую опытность въ военномъ искусствѣ, Литовцы тѣмъ съ бѣльшимъ успѣхомъ отражали нѣмецкій натискъ, что съ конца XIII столѣтія у нихъ является цѣлый рядъ необыкновенно умныхъ и энергическихъ представителей, съ бѣльшимъ счастіемъ, чѣмъ нѣкогда Миндовгъ, рѣшившихъ задачу объединенія своего народа. Великій князь литовскій Витенъ, его сынъ и преемникъ Гедиминъ²⁾

¹⁾ Tempore, quo—omnes nationes—expugnate essent et exterminate,—contragentem illam potentem et durissime cervicis — inceperunt bellum.—Dusburg S. R. P. 1, 146.

²⁾ Мы считаемъ Гедимина сыномъ Витена, хотя источники въ этомъ несогласны между собою. По однимъ (Дугошъ, *Анналы Оливскіе*), онъ былъ конюшимъ у своего предшественника Витена; по другимъ (*Родословная князей литовскихъ*, писанная въ XV столѣтіи и помѣщенная въ *Воскресенской лѣтописи*; также *Хроника литовская Нарбута*), онъ былъ его сынъ; наконецъ въ *Рижской грамотѣ* (*Русско-Ливонскіе акты* № 53; сл. *Livland Urkundenb.*) Гедиминъ названъ *братомъ* Витена. Что Гедиминъ не былъ конюшимъ, убившимъ своего господина, это окончательно доказывается современнымъ *Рижскимъ документомъ*, гдѣ онъ названъ его братомъ. Извѣстіе о Гедиминѣ конюшимъ воплѣтъ и всецѣло принадлежать Дугошу. Нарбутъ напрасно ставитъ впереди *Анналы Оливскіе*, опровергая ихъ и уличая въ пристрастіи къ ордену и во враждѣ къ Литовцамъ. Онъ смѣшалъ, должно быть, *Анналы Оливскіе*, писанные въ началѣ XVII вѣка отчасти по источникамъ польскимъ (Дугошу, Кромеру), съ древнею *хроникой Оливской*, въ которой о Гедиминѣ совсѣмъ не упоминается. Если нужно объясненіе, почему Дугошъ произвелъ Гедимина въ конюшіе, то поводъ къ этому можно съ нѣкоторою вѣроятностію отыскать въ знакомствѣ Дугоша съ языкомъ

великій князь литовскій и прусскій, — вотъ два героя народной борьбы съ Нѣмцами. Съ другой стороны, предлагая христіанскую вѣру на остріѣ меча, обращая въ рабство населенія, крещенныя насиліемъ, нѣмецкій орденъ болѣе отталкивалъ Литвиновъ отъ христіанской вѣры, чѣмъ обращалъ въ нее. Но если носители меча мірскаго, забываясь и увлекаясь, думали и говорили объ истребленіи язычниковъ вмѣсто ихъ обращенія, то у римской церкви было и другое — духовное орудіе, не менѣе могущественное. Когда уходила рать крестоносца, оставивъ послѣ себя пожженные села и разоренные города, въ русско-литовскому князю являлись монахи одного изъ нищенствующихъ странствующихъ орденовъ — доминиканцы или францисканцы — и говорили огорченному князю, что только одинъ человекъ можетъ защитить его отъ страшнаго оружія рыцарей, то-есть, глава католической церкви, св. отецъ папа.

Такія же точно внушенія шли изъ ближайшаго къ Вильнѣ нѣ-литовскимъ. *Kuit-is* по литовски значить конюшня: отсюда Кедминъ (такъ въ Лѣтописи князей литовскихъ *А. Н. Попова*), Gudemine и т. д. Свидѣтельство родословной Велико-Россійскаго государства, писанной въ Ярославлѣ въ 1688 году, ведетъ свое начало отъ польскихъ источниковъ и не имѣетъ значенія, какъ и другія позднія свидѣтельства (см. *Карамзинъ*, IV, примѣч. 266). Въ поэмѣ синовства Гедиминава, кромѣ Воскресенской лѣтописи и Литовской хроники Нарбута говоритъ одно мѣсто въ Софійской лѣтописи. Описывая высокія достоинства Ольгерда, лѣтописецъ замѣчаетъ, что «ни отецъ, ни дѣдъ его тако прослыгъ» (прославился). Отецъ Ольгерда—Гедиминъ, но кто же дѣдъ, предполагаемый славный, хотя и менѣе Ольгерда? Очевидно, отецъ Гедимина—Витенъ. Въ грамотахъ мы нѣсколько разъ встрѣтимъ выраженіе, гдѣ Гедиминъ говоритъ о своихъ прародителяхъ (progenitores): не вездѣ можно понимать это въ томъ смыслѣ, что Гедиминъ говоритъ отъ лица всѣхъ Литовцевъ, какъ объясняетъ профессоръ Соловьевъ (*Исторія Россіи*, III, 422). Когда Гедиминъ говоритъ: «отъ моихъ прародителей я слыжалъ, что папа нашъ общій отецъ», то здѣсь очевидно разуміются собственные прародители Гедимина и уже вовсе не предки какого-нибудь конюшаго. Это послѣднее соображеніе, впрочемъ, доказываетъ только то, что Гедиминъ былъ не конюшій, что теперь и безъ того несомнѣнно (Рижскій документъ). Вопросъ въ томъ, былъ ли онъ сынъ или братъ Витена; слѣдуетъ ли предпочесть извѣстіе русскихъ лѣтописцевъ, или современной Рижской грамоты? Если мы примемъ послѣднее, то весьма страннымъ и необъяснимымъ останется убѣжденіе русскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ въ синовствѣ Гедимина, ведущее свое начало, очевидно, изъ глубокой древности, — между тѣмъ какъ очень легко предположить, что и Рижская грамота, писанная по латыни, называла или хотѣла назвать Витена отцемъ Гедимина. Слова *frater* и *pater* очень сходны между собою, а въ написаніи могутъ быть и совершенно одинаковы. Такимъ образомъ мы остаемся пока при томъ убѣжденіи, что слово *frater* есть только невѣрное чтеніе, а Гедиминъ былъ сыномъ Витена.

мелкаго города — изъ Риги, гдѣ совершенно неожиданно литовскіе князья нашли себѣ союзниковъ противъ ордена. Между высшимъ духовенствомъ въ земляхъ тевтонскаго ордена и военно-монашескимъ братствомъ рыцарскимъ съ давняго времени господствовала ожесточенная борьба. Первымъ источникомъ столкновения былъ вопросъ о деньгахъ. Мы видѣли, что люди, принявшіе на себя необдуманно обѣтъ далекаго странствія въ Палестину на защиту Святой земли, послѣ съ удовольствіемъ и радостію мѣняли его на болѣе легкую, но не менѣе угодную Богу и папѣ службу въ Пруссіи. Но бывали и такіе люди, которые прямо обѣщались идти съ мечемъ и крестомъ противъ Сарацинъ европейскіхъ, а потомъ все-таки находили и этотъ подвигъ или тяжелымъ, или невозможнымъ для себя. Что было дѣлать такимъ людямъ? Имъ позволено было выкупать свои обѣты у Бога, то-есть, у духовенства за деньги. Но послѣ этого представлялся вопросъ: кому же должны принадлежать эти деньги? Такъ какъ духовенство и принимало и разрѣшало обѣты, то по его мнѣнію, деньги должны были принадлежать тоже ему, то-есть, духовенству. Папа, однако, рѣшилъ, что „выкуны обѣтовъ“ (*redemptiones votorum*) должны идти въ пользу крестоносной рыцарской братіи, потому что они, трудясь постоянно въ распространеніи католической вѣры, дѣлали возможною споспоспешительную замѣну обѣтовъ деньгами для прочихъ слабыхъ или малоусердныхъ ¹⁾). Не смотря на рѣшеніе папы, споръ объ этой доходной статьѣ не только не прекратился, но еще возгорѣлся съ новою силою при знаменитомъ архіепископѣ Рижскомъ Альбертѣ Суерберѣ (извѣстенъ, между прочимъ, по сношеніямъ съ Данииломъ Галицкимъ), усложнившись другими вопросами ²⁾).

Любимецъ папы Иннокентія IV, возведенный своимъ покровителемъ въ санъ архіепископа Пруссіи, Лифляндіи и Эстляндіи (въ 1246 г.), облеченный потомъ званіемъ папскаго легата, гордый князь церкви и лично человѣкъ неуступчивый, Альбертъ былъ оскорбленъ (мнимымъ или дѣйствительнымъ) неуваженіемъ орденскихъ властей къ своему сану и покровительствомъ, какое находили у рыцарей люди, подвергнутые имъ церковному наказанію. Послѣ этого онъ не хотѣлъ знать правъ и привилегій ордена, хотя бы они утверждены были римскою куріей, и не только лишилъ снова Божіихъ дворянъ денегъ за

¹⁾ Codex Prussic. I, № 57. 80. 82, *Theiner*, Vetera Monum. Polon. et Lithuan. I, № 99.

²⁾ См. Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Estland. Geschichtliche Darstellung von P. von Goetze, S.-Petersburg, 1854.

обѣты, но вообще не хотѣлъ, чтобы такіе обѣты давались, собственною властію прекративъ всякую проповѣдь, призывающую христіанъ на помощь ордену. Архіепископъ Альбертъ стремился даже измѣнить самыя основныя начала орденскаго устройства, по которымъ собственно ордену принадлежали двѣ трети завоеванной земли съ правомъ десятины, грозилъ отлученіемъ отъ церкви, и наконецъ, интердиктомъ. Напрасно папа Иннокентій IV старался прекратить раздоръ, дошедшій до такихъ крайнихъ предѣловъ, рѣшившись даже снять съ своего любимца санъ легата, которымъ тотъ злоупотреблялъ. Оставивъ Альберта митрополитомъ всѣхъ католическихъ епархій въ земляхъ ордена и назначивъ мѣстопробываніемъ его престола городъ Ригу, Иннокентій IV приготовилъ, напротивъ того, новое сѣмя раздоровъ на будущее время. Къ концу XIII вѣка вражда обнаруживается въ явленіяхъ самаго рѣзкаго характера. Въ 1289 году архіепископъ Іоаннъ Фехтенъ былъ захваченъ рыцарями въ плѣнъ и посаженъ въ крѣпкое заключеніе ¹⁾). Въ 1292 году мѣстный магистръ ливонскій снова напалъ на епископа и заключилъ его въ темницу. Только смерть магистра принесла свободу архіепископу Рижскому. Но не утвердила она мира между Рижскою церковію и орденомъ. Черезъ нѣсколько времени во всѣхъ католическихъ храмахъ города Риги возсылались по распоряженію духовнаго владыки усердныя молитвы къ Богу, чтобы Онъ истребилъ магистра и рыцарей ¹⁾). Мало надѣясь, однако, на дѣйствительность своихъ благочестивыхъ моленій, архіепископъ Рижскій искалъ и земной помощи. Не нашедши ея у христіанскаго Бога, онъ обратился — если не къ самымъ богамъ языческимъ, то по крайней мѣрѣ къ ихъ почитателямъ, къ литовскимъ язычникамъ, искалъ у нихъ дружбы, союза и помощи противъ ордена.

Въ 1297 году произошелъ взрывъ затаенной вражды между рыцарями и третьею самостоятельною силою въ землѣ ливонской — Рижскою городскою общиною, началась „безсмертная борьба“ (*immortalis discordia*, по выраженію Петра Дубургскаго), въ которой Литовцы должны были принять дѣятельное участіе.

Рига, основанная прежними Лифляндскими епископами, признавала духовнаго владыку земли Ливонской и своимъ верховнымъ свѣтскимъ господиномъ. Верховная власть архіепископа не помѣшала, однако, развитію городского самоуправленія. Мѣстная администрація

¹⁾ Voigt, Geschichte Preussens, IV, 121.

²⁾ Ibid, IV, 124.

и судъ вѣдались войтомъ (iudex civitatis, advocatus), котораго избирали сами горожане, а утверждалъ архіепископъ посредствомъ инвеституры, то-есть, давая перстень, украшенный драгоценнымъ камнемъ. Двѣнадцать ратмановъ (радцы, consules, Rathsherren) помогали войту, который въ 1275 г. получалъ право избирать себѣ намѣстника, не требуя для него инвеституры отъ епископа. Около этого же времени во главѣ городской думы вмѣсто войта являются четыре бургомистра (proconsules), изъ среды которыхъ сталъ избираться самый войтъ.

Самоуправленіе города сильно не нравилось рыцарямъ. Въ 1274 году они выхлопотали себѣ у короля Рудольфа Габсбургскаго право свѣтскаго суда надъ жителями Риги, но на дѣлѣ не могли получить его, не успѣли принудить горожанъ къ признанію этого права. Съ непоколебимою вѣрностію городъ держался своего духовнаго владыки. Тѣмъ съ большимъ озлобленіемъ смотрѣли рыцари на богатыхъ и зажиточныхъ (благодаря русской торговлѣ) горожанъ и ждали удобнаго случая ¹⁾.

Такой случай представился. Архіепископъ Іоаннъ III (Шверинъ) былъ на охотѣ и сломалъ себѣ ногу. Такъ какъ въ Ригѣ не было хорошихъ врачей, то онъ отправился во Фландрію и поручилъ свои владѣнія магистру ордена, за исключеніемъ, однако, города Риги, управляемаго войтомъ и думою. Отсутствіемъ архіепископа воспользовался орденъ для достиженія своихъ видовъ. Въ іюлѣ 1297 года Рижане вздумали построить плотину противъ весеннихъ разливовъ рѣки Двины. Чтобъ удобнѣе было производить работы, они нашли нужнымъ навести сначала мостъ черезъ рѣку Ригу, впадающую въ Двину. Орденскія власти велѣли разрушить мостъ; горожане оказали сопротивление, и это послужило сигналомъ къ открытой борьбѣ. Вице-магистръ объявилъ всѣ привилегіи города не имѣющими силы, пока граждане не снесутъ своего моста; для нихъ была закрыта орденская мельница, такъ что пришлось просить о присылкѣ муки изъ Любека. Не смотря на посредничество Рижскаго духовенства, на вмѣшательство Любечанъ, принимавшихъ участіе въ Ригѣ, какъ членѣ

¹⁾ Monumenta Livoniae, t. IV. Статья *Напьерскаю*: «Kurze Uebersicht der älteren Geschichte der Stadt Riga», стр. 38. Исторія борьбы ордена съ горожскою общиною также изложена у Напьерскаго, но акты, изданные Бунге (Liv- und Kurländisches Urkundenbuch), дали возможность во многомъ исправить подробности этого изложенія, начто и указано издателемъ Ливонской хроники Германа Вартбергскаго (Штрелке): Script. rer. Prussic., II, 54 (примѣч.).

Ганзы, не смотря на примирительный образъ дѣйствій самаго архіепископа, который послѣдшилъ прибыть въ Ригу, — дѣло не могло уладиться. Нѣсколько разъ заключались перемирія, но вражда этимъ не прекращалась. Орденъ первый началъ враждебныя дѣйствія. Епископъ, естественно, сталъ на сторонѣ горожанъ. Но какъ могли устоять купцы и торговцы, — хотя и привыкшіе, по средневѣковымъ порядкамъ, владѣть оружіемъ, хотя и вспомошествоваемые вассалами архіепископа, — противъ рыцарей всего тевтонскаго ордена? Въ Ливонію скоро пришла помощь изъ Пруссіи.

Уже прежде архіепископы Рижскіе обращались къ Литовцамъ съ предложеніями дружбы, союза, перехода въ христіанство. Теперь, въ самую критическую минуту, не взирая на всѣ преграды и заставы, устроенныя рыцарями, въ Ригѣ явились послы изъ Литвы и торжественно, предъ многолюднымъ собраніемъ, объявили (30-го марта 1298 года), что Литовцы готовы соединиться узами единовѣрія и политическаго союза съ Рижанами и друзьями ихъ ¹⁾. Само собою разумѣется, что въ настоящую минуту, Рижанамъ союзъ Литовскаго князя былъ гораздо нужнѣе, чѣмъ даже его обращеніе. Самъ архіепископъ не имѣлъ возможности смотрѣть слишкомъ пристально и пытливо, тѣмъ болѣе, что онъ скоро попалъ въ плѣнъ рыцарямъ, которые и посадили его въ крѣпкій Феллинъ на хлѣбъ да на воду ²⁾. Литовцы и Русскіе, управляемые тогда княземъ Витеномъ, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ ожесточенной борьбѣ Риги съ орденомъ; самъ князь Витенъ неоднократно являлся во главѣ своего войска въ землѣ Ливонской. Орденскіе замки пылали, владѣнія рыцарей опустошались; такъ какъ Литовцы вовсе не думали обращаться въ христіанство, то не было пощады мѣстамъ и символамъ христіанскаго богопочитанія; одинъ плѣнный рыцарь былъ сожженъ въ честь литовскихъ боговъ; самъ орденскій магистръ Бруно убитъ въ одномъ сраженіи ³⁾.

Не смотря, однако, на помощь Литовцевъ и Русскихъ, Рижане были разбиты на голову рыцарями въ кровавомъ сраженіи при „Новой мельницѣ“ (Нейенмюленѣ, 29-го іюня 1298 г.) и должны были купить миръ дорогою цѣною. Но чѣмъ невыгоднѣе были мирныя условія для

¹⁾ *Bunge*, Livländ. Urkundenb. I, № 570. Ср. Русско-ливонскіе акты, № 45; и *Script. ver. Prussic.* II, 55.

²⁾ *Dogiel*, Codex diplom. Poloniae, V, № 36; *Voigt*, Geschichte Preussens IV, 126.

³⁾ *Petri de Dusburg. Chron.*; S. R. P., I, 163. de Wartberg. Chron. Norm.— II, 55. Herman. de Wärtberg, Relatio — II, 149.

побѣжденной стороны, тѣмъ менѣе былъ проченъ самый миръ. Старый споръ между горожанами и архіепископомъ, съ одной стороны, и орденомъ, съ другой—возобновился въ 1305 году съ новою силой и потому длился нѣсколько лѣтъ. Поводомъ къ тому послужила покупка замка и монастыря Динаминде у монаховъ цистерціанскаго ордена, сдѣланная рыцарями безъ согласія на то архіепископа. Замокъ и монастырь, господствуя надъ Рижскимъ портомъ, отдавали въ руки рыцарей торговлю города. Встревоженные и раздраженные Рижане, обзавшись прежде не вступать ни въ какія связи съ Литовцами, снова возобновили свой союзъ съ ними и снова призвали себѣ на помощь ямчичковъ. Какъ утверждали официальный защитникъ ордена предъ папскимъ судомъ, они сдѣлали это по наущенію архіепископа ¹⁾. Въ сраженіи при Дубенѣ (между Динабургомъ и Якобштадтомъ) Литовцы потерпѣли пораженіе, но въ 1307 году снова были подъ Ригой и сражались съ рыцарями ²⁾.

Споръ архіепископа съ рыцарскимъ орденомъ былъ перенесенъ на судъ Римскаго престола. Документы, относящіяся къ этому процессу, въ высшей степени любопытны. Первый изъ нихъ—апелляціонная жалоба Рижскаго архіепископа Фридриха на орденъ (отъ 14-го сентября 1305 г.). Мы приведемъ отсюда нѣкоторыя болѣе сильныя мѣста съ отвѣтами защитниковъ ордена ³⁾.

Архіепископъ разказываетъ, что когда онъ явился въ свою духовную провинцію, то ему сейчасъ пришлось слышать угрозы подобнаго рода: „Другихъ епископовъ мы уже брали въ плѣнъ; не лучше ли на этотъ разъ прямо покончить съ нынѣшнимъ, дабы онъ не взводилъ на насъ стыда предъ Римскою куріей. Послѣ его смерти мы могли бы распоряжаться вполне по нашей волѣ... Право жаль, что мы не утопили его“...

¹⁾ Показаніе прокуратора орденаго: *Voigt, Geschichte Preussens* IV, 233. О покупкѣ монастыря и началѣ ссоры: *Canonici Samb. Epit. S. R. P. I, 284. Chron. Dushamund. ibid. II, 142.* Апелляція архіепископа Фридриха къ папѣ (*Bunge, Livländ. Urkundenb. II, 616, pag. 28*): *Castrum Dunemunde cum monasterio in nostra sorte et in nostro situatum dominio, portamque nostram — ultimum solatium et extremum refugium nostrum, ecclesiae civitatisque nostrarum—rapientes...*

²⁾ *Annal. Roggeburgenses S. R. P. II, 145. Canonic. Sambien, ibid., I, 284.*

³⁾ Апелляція архіепископа Фридриха — довольно длинный документъ — напечатана у Бунге (*Livländ. Urkundenb. II, № 616, стр. 28, 29*). На эту апелляцію отвѣчалъ прокураторъ ордена еще болѣе длиннымъ документомъ, который поэтому и не напечатанъ въ подлинникѣ у Бунге, а только въ извлеченіи въ видѣ регесты на нѣмецкомъ языкѣ; *ibid., II, Regesta, 714, стр. 15* и слѣд.

Архіепископъ жалуется, что рыцари подвергаютъ жестокиѣмъ преслѣдованіямъ и мученіямъ его приверженцевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые на судѣ Римской куріи стояли противъ ордена. Дѣло дошло до того, что наконецъ, едва находится такой человѣкъ, который осмѣлился бы отправиться въ Римъ по дѣламъ Римской или другой какой церкви. Убивая такихъ преданныхъ церкви людей, рыцари еще приговариваютъ: вотъ поможетъ тебѣ папа.

„Если ихъ укоряютъ за ихъ очевидныя преступленія, то они слушаютъ это съ досадою, и прибѣгая къ клеветѣ, всѣми силами стараются взыскать такіе поступки на другихъ, либо говорятъ, что они сдѣлали это для пользы христіанской вѣры“.

„Рыцари задерживаютъ доминиканцевъ и миноритовъ и даже налагаютъ на нихъ насильственно руки, запрещая имъ проповѣдывать слово Божіе у язычниковъ и новообращенныхъ; рыцари не строятъ церквей для христіанскихъ неопитовъ, не даютъ имъ священниковъ; вслѣдствіе того народъ (въ Ливоніи) до сихъ поръ находится въ такомъ же заблужденіи, какъ и при началѣ своего обращенія, исключая христіанъ, приходящихъ извнѣ“.

„Орденъ убиваетъ пословъ, посланныхъ языческими князьями къ архіепископу или другимъ христіанскимъ властителямъ для заключенія мира или согласія“.

На всѣ тяжеловѣсныя обвиненія адвокатъ ордена отвѣчаетъ болѣею частію простымъ отрицаніемъ: архіепископу мы не грозили, напротивъ, приняли его съ почетомъ; пословъ отъ князей языческихъ не убивали, но всегда принимали дружелюбно и давали имъ свободный пропускъ; миноритамъ и доминиканцамъ въ ихъ проповѣди никогда не препятствовали, напротивъ, къ тому приглашали. Но когда дѣло касается отношенія рыцарей къ духовнымъ потребностямъ мѣстнаго поработаннаго населенія, то предки ливонскихъ бароновъ начинаютъ говорить въ умилительномъ, нѣсколько идеальномъ тонѣ. Къ несчастію, о несоотвѣтственности его съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей можно заключать безошибочно по тому, что намъ извѣстно изъ временъ болѣе къ намъ близкихъ. „Новообращенные теперь гораздо усерднѣе къ вѣрѣ и въ случаѣ нужды болѣе готовы къ покаянію, чѣмъ прежде. Когда мы спрашиваемъ ихъ: вѣрите ли вы въ Бога? — то они отвѣчаютъ: вѣримъ въ Бога, во Святую Дѣву Марію, во святыхъ Божіихъ и въ то, во что вѣруетъ церковь; вѣруемъ въ символъ вѣры, подобно всѣмъ истиннымъ и добрымъ христіанамъ“.

Памятникомъ дружественныхъ отношеній Литовскаго князя къ Рижскому духовенству и горожанамъ остается замѣчательная грамота Полоцкаго епископа Іакова, относящаяся по всѣмъ признакамъ къ 1309 году, когда граждане города Риги, вступивъ въ нѣкоторое соглашеніе съ орденомъ, объявили однако, что они до тѣхъ поръ не откажутся отъ союза съ Литовцами, пока рыцари не возвратятъ имъ и архіепископу того, что они неправильно захватили. Послѣ насильственныхъ дѣйствій, рѣзникъ рѣчей и взаимныхъ обвиненій во лжи, нечестіи и насиліи,—пріятно остановиться на такомъ мирномъ документѣ, какъ упомянутая грамота. Русскій епископъ города Полоцка, подвластнаго великому князю Литовскому, посылаетъ „поклонъ и благословеніе бровстони (пробсту) намѣстнику и *дѣтмъ* своимъ ратманомъ“, извѣщаетъ ихъ, что до сихъ поръ онъ былъ „не дома, во (у) *свѣтѣ* своего митрополита“, а теперь пришедши на свое мѣсто, ко святой Софїи (въ Полоцкѣ), узналъ любовь ихъ правую съ княземъ Витеномъ — съ *симомъ* моимъ Витеномъ, какъ выражается епископъ Іаковъ. „Также, *дѣтми*, была любовь ваша первая съ Полочанами, съ *дѣтми* моими: што вамъ было надобѣ, то было ваше. А нынѣ, што *дѣтмъ* моимъ надобѣ, того имъ не бороните. А нынѣ абы сте пустыи жито у Полоцеско... А явъ вамъ кланяюся, *дѣтмъ* своимъ и благословляю и Бога молю“¹⁾.

¹⁾ Замѣчательная грамота Полоцкаго епископа Іакова, открытая г. Напьерскимъ; напечатана сначала въ сборникѣ: Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригю. С.-Пб. 1857, а потомъ въ Русско-ливонскихъ актахъ, № 38, стр. 20. Даты эта грамота не имѣетъ и поэтому оставлена въ изданіи археографической комиссіи безъ всякаго положительнаго хронологическаго опредѣленія. Г. Боннель помѣщаетъ ее предположительно подъ 1300 годомъ. Мы думаемъ, что есть возможность опредѣлить ея годъ совершенно точно, и что такимъ годомъ будетъ 1309 годъ. Вотъ наши основанія: 1) Епископъ Іаковъ пишетъ къ «намѣстнику пискуплю», то-есть, къ намѣстнику Рижскаго архіепископа: слѣдовательно, нужно думать, что самаго архіепископа не было въ Ригѣ. Архіепископъ Фридрихъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ Авиньонѣ съ 1306 года (*Bunge, Livländ. Urkundenb. II, № 619*) по 1311 годъ (*Theiner Veter. Monum. Polon. I, № 207*: булла отъ 17-го февраля этого года дана въ Авиньонѣ, вслѣдствіе личнаго ходатайства Рижскаго архіепископа — *sicut in nostra propoluiti presentia constitutus.*). Въ 1312 году онъ былъ снова въ Ригѣ (*Bunge und Tall, Brieflade I 6, 137 S. R. P. II, 57 примѣч.*). 2) Епископъ Іаковъ говоритъ, что онъ былъ у митрополита. Но какой былъ поводъ къ посвѣщенію митрополита? Очень вѣроятно, что епископъ Іаковъ долженъ былъ явиться къ новому митрополиту, который около этого времени былъ поставленъ. Въ 1305 году умеръ митрополитъ Максимъ и на его мѣсто посвященъ св. Петръ въ Цареградѣ. Въ

Нѣкоторое время тевтонскому ордену грозила большая опасность. Папа Климентъ V, вмѣстѣ съ Филиппомъ Красивымъ уничтожившій орденъ храмовниковъ, призналъ и повторилъ въ своей буллѣ всѣ обвинения, взводимыя на тевтонскихъ братьевъ Рижскимъ архіепископомъ, и поручилъ своему легату произвести слѣдствіе на мѣстѣ¹⁾. Въ 1312 году папскій легатъ Францискъ де-Моліано болѣе трехъ мѣсяцевъ разбиралъ дѣло, допросилъ множество свидѣтелей и убѣдился въ полной виновности рыцарей. Орденъ подвергся отлученію отъ церкви, на орденскія земли наложенъ интердиктъ.

Но тевтонскій орденъ былъ богатъ, а папская курія въ Авиньонѣ не была неподкупна. Въ 1313 году, вслѣдствіе щедрыхъ подарковъ, рсточаемыхъ въ Авиньонѣ, отлученіе отъ церкви было снято папскою буллою²⁾.

Въ 1316 году послѣдовалъ новый взрывъ. Горожане Рижскіе не могли примириться съ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставили ихъ рыцари, завладѣвъ монастыремъ Дюнамюнде. 24-го апрѣля они неожиданно напали на это предмѣстье, убили здѣсь одного рыцаря и нѣсколько другихъ христіанъ, сожгли до тла самое укрѣпленіе. Борьба между орденомъ, съ одной стороны, и Рижскою городскою общиною и ея покровителемъ Рижскимъ архіепископомъ съ другой, возобновилась въ прежнемъ видѣ. Архіепископъ Рижскій снова обратился съ жалобами и протестами къ папскому престолу; папа Іоаннъ XXII рѣшился подвергнуть дѣло новому разсмотрѣнію, но въ 1319 году утвердилъ за орденомъ владѣніе укрѣпленіемъ Дюнамюнде. При такомъ положеніи дѣлъ Рижане считали полезнымъ поддерживать дружескія связи съ князьями литовскими.

III.

Дружескія связи, которыми политика соединила Рижскихъ архіепископовъ и гражданъ города Рига съ князьями языческой Литвы,

Кіевъ Петръ пріѣхалъ въ 1308 году и на слѣдующій годъ отправился на сѣверъ: Карамзинъ, IV, примѣч. 243. 3) Епископъ проситъ прислать жита въ Полоцкъ. Въ IV Новгородской лѣтописи подъ 6816 (1308) мы читаемъ: поставленъ бысть Петръ митрополитъ на Русь (годъ прибытія); того же лѣта казнь бысть отъ Бога — мышь пояде жито и бысть дороговъ велика (Полн. Собр. лѣт. IV, 47). Въ 1309 году былъ вслѣдствіе того большой голодъ — гладъ крѣпокъ по земли Русской (Карамзинъ, IV, примѣч. 243). 4) Наконецъ, нужно присоединить объявленіе Рижанъ, сдѣланное торжественно въ 1309 году, о томъ, что они не хотятъ разрывать союза съ Литовцами. *Воппе*, Chronograph., 101.

¹⁾ *Theiner*, Veter. Monum. I, № 204. Livländ. Urkundenb. II. 630.

²⁾ *Voigt*, Geschichte Preuss., IV, 309.

тѣ торговыя интересы, которые служили къ укрѣпленію этой связи Рижскихъ кунцовъ съ литовскими и русскими подданными Витена и Гедимина, скорѣе могли доставить торжество папскому престолу, чѣмъ рыцарскій мечъ, освященный римскою церковію. Такъ именно и готовы были разрѣшиться событія въ 1323 году. Великій князь литовскій и русскій Гедиминъ, наследовавшій отъ своего предшественника связи съ Рижскимъ архіепископомъ и городомъ Ригю, писалъ въ самомъ началѣ вышеуказаннаго года къ папѣ Іоанну XXII посланіе такого содержанія:

„Мы уже давно слышали, что всѣ послѣдователи христіанской вѣры должны подчиняться вашей отеческой власти. Не по своей винѣ остаемся мы невѣрными этой заповѣди. Еще нашъ предшественникъ, король Миндовгъ, обратился въ христіанскую вѣру со всѣмъ своимъ царствомъ: но жестокія оскорбленія и постоянное вѣроломство рыцарей нѣмецкаго ордена заставили и его отступить отъ христіанства и насъ принуждаютъ до сихъ поръ оставаться въ заблужденіяхъ, наследованныхъ отъ предковъ. Много разъ наши предшественники послали пословъ къ архіепископамъ Рижскимъ для заключенія мира, но послы были умерщвляемы. Ближайшій нашъ предшественникъ на престолѣ Витенъ просилъ въ Ригѣ, чтобы къ нему прислали двухъ мноритовъ, для которыхъ онъ уже приготовилъ мѣсто и выстроилъ церковь: узнали объ этомъ въ Пруссіи братья тевтонскаго ордена и тотчасъ же послали войско разрушить и сожечь церковь. Отъ ихъ насилій страдаемъ не только мы, но даже самое духовенство христіанское — архіепископы и клирики: они берутъ въ плѣнъ, держатъ въ заключеніи, съ позоромъ изгоняютъ изъ церкви своихъ архіепископовъ, убиваютъ клириковъ. Разоряя и превращая въ пустыню земли моихъ подданныхъ, они говорятъ, что это дѣлается для защиты христіанства. Но, святой и преподобный отецъ, я не врагъ христіанства. Если я веду войны противъ христіанъ, то не для того, чтобы разрушить вѣру католическую (*ut fidem catholicam destruamus*), а только для собственной защиты, отражая обиду и насиліе, какъ дѣлаютъ это всѣ короли и князья христіанскіе. При насъ находятся братья орденовъ францисканскаго и доминиканскаго; мы дали имъ полную свободу крестить, проповѣдывать и совершать другія священныя дѣйствія (это ли доказательство нашей вражды къ христіанству?). Мы пишемъ вамъ объ этомъ, преподобный отецъ, дабы вы знали, отчего наши предки умерли въ заблужденіяхъ невѣрія и нечестія. А теперь усердно просимъ васъ, обратите вниманіе на горькое поло-

женіе наше: ми готовы повиноваться вамъ во всемъ, подобно всѣмъ прочимъ христіанскимъ государямъ, ми готовы принять вѣру католическую, если только ми при этомъ ничѣмъ не будемъ обязаны неисказаннымъ мучителямъ (*tortoribus*), то-есть, вышеказанному магистру и рыцарямъ". Въ заключеніе Гедиминъ, объявлялъ, что онъ избираетъ науку и кардиналовъ въ отцы себѣ и своимъ дѣтямъ настоящимъ и будущимъ, просилъ, чтобы наша отправка вмѣстѣ съ Рижскимъ архіепископомъ Фридрихомъ своего легата для посредничества при заключеніи мира съ орденомъ и при опредѣленіи границъ¹⁾.

Почти одновременно съ грамотой, отправленною къ папѣ, явилось другое посланіе (отъ 25-го января 1323 года), въ которомъ Гедиминъ „Вожією милостію король (гех) литовскій и русскій, государь и князь Семигалія“ обращается ко всѣмъ почитателямъ Христа, разсѣянными въ мірѣ, и особенно къ жителямъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ — Штральзунда, Магдебурга, Бремена, Любeka и Кельна. Гедиминъ объявляетъ христіанскому міру, что, отправивъ своего посла съ письмомъ къ папѣ, онъ ожидаетъ теперь съ большимъ нетерпѣніемъ отвѣта папы и прибытія Римскихъ пословъ; онъ проситъ при этомъ, чтобы, въ случаѣ прибытія папскихъ легатовъ, всякій, кто будетъ имѣть возможность, содѣйствовалъ имъ достигнуть цѣли ихъ посольства, то-есть, города Вильни. „Мы будемъ стараться“, продолжаетъ Гедиминъ, „соблюдать все то, что письменно обѣщали святѣйшему отцу, будемъ строить церкви, какъ уже дѣлали это и до сихъ поръ. Ибо знайте, что за два года предъ симъ мы построили вновь двѣ церкви въ городѣ нашемъ Вильнѣ: одну для ордена доминиканцевъ (*de ordine praedicatorum*), другую для миноритовъ, и сверхъ того, въ нижнѣйшемъ году мы приказали возобновить для послѣдняго ордена, на пользу нашу и на спасительное врачеваніе синовей и жепъ нашихъ, прежде нами основанную церковь въ Новгородѣ (*in Noggardis*), которую недавно сожгли огнемъ вестоносцы прусскіе. Мы съ охотою готовы принимать у себя епископовъ, священниковъ, монаховъ какаго бы то ни было ордена, только бы живы

¹⁾ Письмо Гедимина къ папѣ было напечатано уже нѣсколько разъ (у Райнальда въ *Annales Ecclesiast.*, у Нарбута въ его дѣяніяхъ Литовскаго народа, у Балинскаго, Фойхта, Бунге), но суда по тому, какъ передается его содержаніе въ папской буллѣ (*Theiner, Veter. Monum. Poloniae et Lithuan. I № 108 и 203. Turgen. Monum. I № 109*) въ существующихъ спискахъ недостаетъ заключенія. То, что у насъ передано разказомъ, а не прямою рѣчью Гедимина, взято изъ папской буллы.

ихъ не была порочна, какъ жизнь тѣхъ, которые строятъ монастыри, а потому насильно берутъ милостыню у добрыхъ людей и продаютъ ее ¹⁾.... Мы открываемъ всѣмъ и каждому, кто имѣетъ къ тому добрую волю, свободный доступъ въ земли, владѣнія и царство (regnum) наше,—воиннамъ, оруженосцамъ, купцамъ, ремесленникамъ всякаго рода: кузнецамъ, телѣжникамъ (sagrentariis), сапожникамъ, кожевникамъ, мельникамъ, мелкимъ торговцамъ (tabernariis), — всѣмъ имъ мы готовы дать земли, каждому по его достоинству. Тѣ, которые захотятъ поселиться у насъ въ видѣ колонистовъ (hi, qui coloni venire voluerint), могутъ пользоваться нашею землею въ продолженіи десяти лѣтъ безъ всякой подати. Купцамъ мы открываемъ безпрепятственный входъ и выходъ въ нашихъ владѣніяхъ, безъ всякихъ пошлинъ и повинностей. Всѣ вообще переселенцы будутъ пользоваться Рижскимъ городскимъ правомъ, если только по совѣту знающихъ людей они не найдутъ болѣе выгоднымъ для себя избрать право какого-либо другаго города. Мы желаемъ съ настоящаго времени укрѣпить вѣчнымъ союзомъ миръ, братство и любовь со всѣми послѣдователями Христа. Чтобы все это оставалось непреложнымъ, мы дали въ свидѣтельство и подтвержденіе настоящей грамоты нашу печать⁴. Въ концѣ присоединена просьба, чтобы управление города, въ который придетъ грамота, распорядилось списать ее и потомъ снятую копію пришло бы къ церковнымъ дверямъ, а самый подлинникъ немедля переслало бы въ сосѣдній городъ ²⁾.

Итакъ, литовскій князь предъ верховнымъ владыкою католическаго міра и предъ всѣмъ западнымъ христіанствомъ заявляетъ самымъ яснымъ и настойчивымъ образомъ о своей готовности ввести

¹⁾ Tollunt elemosinas bonorum hominum?

²⁾ Эта грамота найдена г. Папьерскимъ въ Рижскомъ архивѣ и въ первый разъ напечатана въ Русско-Ливонскихъ актахъ. Здѣсь она названа подложною, но безъ достаточныхъ основаній. Подлинникъ, съ котораго она напечатана въ этомъ изданіи, писанъ почеркомъ XIV столѣтія, какъ и замѣчено во введеніи къ документу; если на немъ нѣтъ ни печати, ни слѣдовъ печати, то это очень просто объясняется послѣдними словами грамоты. Очень возможное дѣло, что первоначальный подлинникъ, отправленный изъ Вильны, былъ действительно пересланъ въ какой-нибудь ближайшій къ Ригѣ городъ, въ архивъ котораго со временемъ, быть можетъ, и найдется — съ печатью Гедимина или со слѣдами оной. Что это не былъ простой проектъ (концептъ) грамоты, составленный для Гедимина, свидѣтельствуетъ 1) дата: datum in civitate nostra Vilna, matura deliberatione, anno Domini MCCCXXIII in conversatione Sancti Pauli Apostoli. Самъ Гедиминъ говоритъ послѣ, что онъ писалъ грамоты какъ папѣ, такъ и всему міру (Русско-Ливонскіе акты, № 67, pag. 46 въ началѣ).

подвластный ему народъ въ кругъ христіанскихъ и образованныхъ націй тогдашней Европы. Скорѣйшее осуществленіе такой мысли должно было представляться событіемъ въ высшей степени благодѣтельнымъ и желаннымъ для обѣихъ сторонъ. Страшно страдала земля Литовская отъ походовъ и набѣговъ рыцарей. Не далѣе какъ въ предыдущемъ 1322 году, крестоносное войско, приведенное на помощь ордену польскими и нѣмецкими князьями, отправившись изъ Кролевца (Кёнигсберга), въ числѣ 20.000 вошло въ землю Жмудиновъ; грабежемъ и пожаромъ крестоносцы разрушали какъ замки, такъ и другія зданія, и произвели такую рѣзню въ этомъ народѣ, что не были пощажены даже неразумные мальчики (*quod pes ibi mingens ad parietem superesset*), говоритъ набожный дѣписатель ордена, съ любовью заимствующій древнебиблейскія выраженія для описанія кровавыхъ подвиговъ, совершаемыхъ подъ прикрытіемъ креста и евангелія¹⁾. Но безпощадно также мстили и Литовцы за свои пожженные села, за своихъ избитыхъ дѣтей. За жмудское увеселительное „путешествіе“ (*Reise*, такъ называли рыцари свои набѣги) поплатилась въ томъ же году область епископа Деритскаго, гдѣ Литовцами убито и въ плѣнъ уведено болѣе 5.000 христіанъ. Самый 1323 годъ начался мало отрадными предзнаменованіями. Особенно смѣлымъ и неутомимымъ врагомъ Нѣмцевъ является въ это время князь Давидъ Гродненскій, отличающійся какимъ-то вездѣ-присутствіемъ: онъ опустошаетъ предѣлы орденскихъ владѣній въ самой Пруссіи, является потомъ во Псковѣ, и предводительствуя Псковичами, которые добровольно избрали его своимъ княземъ, разоряетъ область Ревельскую (въ началѣ февраля 1323 года); болѣе 4.000 христіанъ — мужчинъ, женъ и дѣвицъ — было частію перебито, частію уведено въ плѣнъ; немало священниковъ и монаховъ лишились жизни; храмы и священные предметы подверглись оскверненію²⁾. Орденъ, съ своей стороны, не былъ въ состояніи предпринять что-либо: жестокая стужа, которою отличалась зима 1323 года, истребившая всѣ плодовые деревья въ Пруссіи и Ливоніи, заставила вернуться съ половины дороги рыцарей и гостей ихъ, прибывшихъ изъ Чехіи и съ береговъ Рейна³⁾.

Гедининъ желалъ мира, онъ готовъ былъ кончить взаимное кровопролитіе, но не хотѣли того рыцари. Они не желали отказаться отъ надежды покорить своей власти и обратить въ рабство Литов-

¹⁾ Petri Dusburg. Chron. S. R. P. I, 186—Ср. Canonic. Sambiens., *ibid.* 287.

²⁾ *Ibid.* S. R. P. I, 187 и 284. Ср. Псковскія лѣтописи подъ 6831 годомъ.

³⁾ Petri Dusburg. Chron. S. R. P. I, 186 — 187.

цезь, какъ сдѣлали съ Пруссамъ. Они не могли поэтому благосклонно смотрѣть на всякое сближеніе литовскаго князя съ христіанствомъ, не могли радоваться и не были расположены вѣрить добровольному обращенію его въ христіанскую вѣру. Жалобы и обличенія, которыми изобиловало посланіе Гедимина къ папѣ, должны были возбудить въ нихъ не стыдъ или раскаяніе, а только большее ожесточеніе. Все это обнаружилось очень скоро. Письмо къ папѣ было отправлено Гедиминомъ черезъ Ригу съ особымъ посломъ; крестовые рыцари захватили Гедиминова посланца, посадили его въ заключеніе, морили голодомъ; злымъ образомъ мучили, отняли у него самую грамоту. Они не посмѣли уничтожить ее вполне, но за то по крайней мѣрѣ достаточно наругались надъ нею. Печать, приложенная къ посланію, почему-то показалась имъ особенно несправедливою, хотя въ ней не только не было ничего оскорбительнаго для христіанской вѣры, но совершенно напротивъ, она указывала на близкое знакомство Литовско-русскаго князя съ христіанствомъ¹⁾. Печать была сломана и брошена въ огонь, и въ такомъ видѣ, безъ печати, пошло Виленское посланіе въ Авиньонъ; оно было принесено туда все-таки посломъ Гедимина, который, очевидно, былъ наконецъ выпущенъ изъ своей темницы²⁾. Неизвѣстно, какъ далеко ушло другое посланіе, обращенное ко всему западному христіанству; въ Ригѣ оказалась только его копія.

Въ Вильнѣ не были увѣрены въ успѣхъ первыхъ двухъ посланій, не могли даже разчитывать, что они дойдутъ по назначенію. Вслѣдствіе того рѣшено было, въ маѣ того же 1323 года, обратиться съ новыми воззваніями къ христіанскому духовенству, къ папѣ, къ торговымъ приморскимъ городамъ, ближе знакомымъ съ дѣлами русскаго и литовскаго сѣвера, и къ другимъ христіанскимъ общинамъ. Вполнѣ извѣстны въ настоящее время только три грамоты, сюда относящіяся:

¹⁾ Русско-литовскіе акты № 67, 67: Nuntium suum misit ad civitatem, qui captus fuit in via, fame afflictus et male cruciatus. 47: Rex nuntium suum proprium misit ad civitatem, qui male fuit tractatus in via, incarceratus et fame afflictus, et littera domino papae reportata. — Печать Гедимина описывается нотаріусомъ города Любека (*Raczynski*, Codex Lithuan., 32): она была круглая восковая; по срединѣ ея изображеніе власатаго мужа (*virgi capillati*), восседающаго на престолѣ (*in cathedra*), съ короною въ правой рукѣ и скипетромъ въ лѣвой на ней начертаны были слѣдующія слова: S. dei gratia Gedemini lethwinorum et ruthenorum. reg.

²⁾ Папа говоритъ въ своей буллѣ къ ордену о послахъ Гедимина, бывшихъ у него въ Авиньонѣ. *Raczynski*, Codex Lithuan. 33.

1) къ монахамъ ордена доминиканскаго, преимущественно къ тѣмъ, которые живутъ въ саксонскихъ земляхъ; 2) къ братьямъ ордена францисканскаго (миноритамъ), опять по преимуществу къ обитающимъ въ Саксоніи; 3) къ войтамъ, ратманамъ и гражданамъ приморскихъ городовъ: Любека, Ростока, Штральзунда, Грейфсвальда, Штеттина и острова Готланда. Содержаніе втораго посланія къ папѣ извѣстно намъ только по папскимъ отвѣтнымъ булламъ ¹⁾.

Въ первомъ документѣ Гедиминъ пишетъ (отъ 26-го мая 1323 г.): „Я отправилъ пословъ съ письмомъ къ папѣ, чтобъ онъ одѣлъ насъ первою столою (stola, одежда при крещеніи), и ожидаю съ нетерпѣніемъ его отвѣтнаго посольства, будучи готовъ исполнить всѣ его повелѣнія. Я желаю прибытія епископовъ и священниковъ, только не тѣхъ, которые продаютъ свои монастыри и злоумышляютъ на жизнь духовныхъ лицъ ²⁾. Я принимаю подъ свою защиту права церковныя: готовъ почитать духовенство и распространять (христіанское) богослуженіе. Я прошу возвѣстить объ этомъ народу — въ городахъ, селахъ и мѣстахъ, гдѣ только каждому изъ васъ случится проповѣдывать. Людямъ военнымъ, которые захотятъ прійти въ мою землю, я предлагаю столько доходовъ и земли, сколько они пожелаютъ. Купцы и ремесленники всякаго рода (кузнецы, дѣлатели военныхъ орудій и проч.) могутъ свободно приходиться и уходить, не платя податей и пошлинъ, не подвергаясь никакимъ неприяностямъ. Хотя крестовосцы, въ позоръ мнѣ, желая воспрепятствовать дѣлу, начатому Богомъ, и ослѣпить глаза людей, бросили въ огонь мою печать, я вкладываю ее снова къ этому письму, какъ она была приложена къ письму, посланному папѣ; и скорѣе превратится желѣзо въ воскъ и вода въ сталь, чѣмъ я возьму назадъ свое слово“.

Грамота, посланная миноритамъ (отъ того же числа), повторяетъ то же самое. Но сверхъ того Гедиминъ напоминаетъ, что онъ уже построилъ для францисканцевъ двѣ церкви, одну въ Вильнѣ, другую въ Новогородѣ, и проситъ, чтобъ ему прислали въ томъ же 1323 году четырехъ братьевъ ордена, знающихъ языки польскій, семитальскій (земголскій) и русскій ³⁾. Купцамъ и ремесленникамъ, въ числѣ

¹⁾ Сохранившіяся грамоты напечатаны у Рачинскаго и у Бунге, а папскія посланія, передающія содержаніе Гедиминова посланія,—у Тургенева и Тойнера.

²⁾ Разумѣются монахи цистеріанскаго ордена, продавшіе, безъ согласія епископа Рижскаго, свой монастырь Дюнамиде рыцарямъ.

³⁾ У Рачинскаго (Codex, 30) читается pruthenicum (пруссскій), а у Бунге: rutenicum (руссскій), хотя въ регестахъ и здѣсь прусскій языкъ. Что чтеніе

воиэхъ на этотъ разъ названы солевары и серебряныхъ дѣлъ мастера (*argentarii*), рекомендуется путь черезъ землю Бонислава, князя мазовецкаго.

Въ посланіи (опять-таки отъ 26-го мая), адресованномъ къ гражданамъ приморскихъ городовъ, Гедиминъ прежде всего указываетъ на старыя дружескія отношенія своихъ прародителей (*progenitorum*) къ купцамъ нѣмецкимъ; для нихъ всегда былъ открытъ свободный путь чрезъ литовскія области къ Новгороду и Пскову, за чтѣ, однако, никакой благодарности доселѣ не было видно: „никого, ни одной собаки не пришло съ изъявленіемъ ея“. Прося, впрочемъ, не смущаться такимъ упрекомъ, Гедиминъ повторяетъ предложенія и обѣщанія, которыя уже были высказаны въ посланіи, обращенномъ ко всѣмъ христіанамъ. Земледѣльцамъ, которые прійдутъ въ Литву, чтобы тамъ поселиться, обѣщается десятилѣтняя свобода отъ всѣхъ податей и работъ (*барщины*); по истеченіи этого времени они будутъ давать десятину, смотря по плодородію обрабатываемой земли, какъ это бываетъ въ другихъ государствахъ. Всѣ поселенцы получаютъ Рижское городское право, если другое не окажется для нихъ болѣе выгоднымъ¹⁾.

гителісмит вѣрнѣе, видно изъ грамоты папской, напечатанной у Тейнера (I, № 295), гдѣ *utraque lingua* очевидно различаются языки литовскій и русскій.

¹⁾ Фойхтъ (*Gesch. Preussen's*, IV, Beilage № VI) доказываетъ, что какъ первая грамота Гедимина къ папѣ, такъ и три другія, нами сейчасъ переданныя, подложныя, то-есть, сочинены и пущены въ обращеніе высшимъ духовенствомъ города Риги. Этому нѣтъ слѣдуютъ отчасти издатели Русско-Ливонскихъ актовъ. Доказательства Фойхта оказываются, однако, крайне слабыми. Онъ заподозриваетъ, напримѣръ, Рижскаго архіепископа, который, будто бы, въ 1323 г. нарочно отправился къ папскому двору, чтобы продолжать начатую интригу (IV, 373). Но теперь изъ документовъ, напечатанныхъ у Тейнера (№ 264 и 301), мы видимъ, что уже въ 1322 году архіепископъ Фридрихъ находился въ Авиньонѣ и только въ 1324 году получилъ отъ папы отпускную грамоту. Фойхтъ находитъ страннымъ тонъ, которымъ отличается посланіе Гедимина къ папѣ, — жестоко обвинительный въ отношеніи къ ордену и почти хвалебный въ отношеніи къ архіепископу. Но мы хорошо знаемъ причины сочувствія литовскихъ князей къ Рижскому духовенству и хвалебный тонъ для насъ понятенъ и вполне натураленъ. Фойхтъ (IV, 635), обращая вниманіе на имя Бонислава Мазовецкаго, чрезъ землю котораго должны идти поселенцы въ Литву, восклицаетъ: «мы нигдѣ не могли найти князя Мазовецкаго съ такимъ именемъ». А найти его было можно не далѣе, какъ у Петра Дубургскаго (S. R. P., 156, 158, 160). Здѣсь имя Бонислава встрѣчается подъ 1295 г., но онъ умеръ гораздо позже (въ 1313 году?). Нѣтъ ничего особенно страннаго въ томъ, что совокупность владѣній, раздѣленныхъ между сыновьями Бонислава, обозначается именемъ преннаго общаго ихъ владѣтеля.

Къ папѣ Іоанну XXII, въ Авиньонѣ, Гедиминъ писалъ, что онъ со всѣми князьями и баронами (barones) своего государства остается твердымъ въ своемъ расположеніи къ Римскому владыкѣ; онъ хочетъ быть сыномъ послушанія и вступить въ лоно святой матери церкви; просвѣщенный свѣтомъ Божественнымъ, онъ вѣритъ въ единого Бога—Отца, Сына и Святаго Духа; признаетъ, что папа поставленъ отъ сего истиннаго и живаго Бога пастыремъ и правителемъ всѣхъ, кто долженъ спастися; все, что разрѣшить или свяжетъ онъ на землѣ, утвердится и на небѣ высшимъ Судіей. Сверхъ того, Гедиминъ снова жаловался на тевтонскій орденъ, прося суда, помощи и защиты противъ онаго, изъявляя готовность подчиниться приговору Римской курии и жить въ мирѣ съ христіанами.

Письмо къ папѣ, и нужно думать, другія посланія Гедимина были на этотъ разъ отправлены въ Ригу на имя Рижскихъ ратмановъ съ просьбою, чтобъ они, съ своей стороны, послали кого-нибудь для доставленія всѣхъ документовъ по назначенію, чтобъ они не шадли при этомъ необходимомъ издержкѣ; прійдетъ время, когда имъ все будетъ уплачено съ лихвою.

Грамоты, предназначенныя для монашескихъ орденовъ и для морскихъ городовъ, достигли, какъ само собою разумѣется, гораздо скорѣе тѣхъ рукъ, въ которыя онѣ были адресованы, чѣмъ посланіе, отправленное въ Авиньонъ. 18-го іюля онѣ уже были прочитаны въ Любекѣ, въ засѣданіи городского совѣта ¹⁾). Вслѣдъ затѣмъ нѣкоторые члены тевтонскаго ордена, случайно находившіеся тогда въ Любекѣ, получили приглашеніе явиться въ городской сенатъ для совѣщаній по этому поводу. Интересны объясненія, данныя рыцарями въ публичномъ засѣданіи почтенныхъ купцовъ Любекскихъ. Благочестивою, хотя, быть можетъ, нѣсколько лицемерною готовностію служить распространенію христіанской вѣры, сильнымъ, быть можетъ, нѣсколько преувеличеннымъ и преждевременнымъ недовѣріемъ къ искренности заявленій Гедимина дышать эти объясненія: „Если содержаніе писемъ Гедимина основано на истинѣ, — говорятъ рыцари — то мы, не смотря на множество дѣлъ и заботъ, которыми поглощено наше вниманіе, готовы употребить все усердіе, посвятить самую пламенную ревность, чтобы, во славу Божію и къ пользѣ вѣрующихъ, между Литовцами укрѣпилась вѣра Христова. Для скорѣйшаго достиженія цѣли, мы обязываемся, отъ имени всего ордена и его начальниковъ,

¹⁾ Русско-ливонскіе акты № 47, стр. 45. Ср. *Taczynski*, Codex Lith., 27.

принять половину издержекъ, либо даже болѣе, если таковыя потребуются для дѣла; если вы признаете нужнымъ отправить пословъ, то мы обязываемся и съ своей стороны отправить посольство вмѣстѣ съ вашими послами. Но если прежде окончательнаго рѣшенія дѣла, то-есть, если прежде своего крещенія, Литовцы,—чего не дай Богъ, но что мы можемъ опасаться по разнымъ догадкамъ — поднимутъ свои насильственные руки на христіанъ или на ихъ земли и имущество, въ такомъ случаѣ мы не будемъ считать себя связанными своимъ общаніемъ, и пусть другіе не считаютъ насъ тогда нарушителями даннаго слова¹⁾.

Такия рѣчи не предвѣщали ничего хорошаго.

IV.

Пока не заключено мира, продолжается война: такъ водилось и водится у всѣхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ. Какое же основаніе имѣли тевтонскіе рыцари ожидать и требовать, чтобы Гедиминъ отложилъ свою вражду противъ ордена, соблюдалъ миръ со всѣми христіанскими сосѣдями, прежде чѣмъ данъ былъ какой-либо отвѣтъ на его жалобы и предложенія? Были ли притомъ сами рыцари расположены считать свою борьбу съ литовскимъ княземъ прекратившеюся, какъ скоро появились грамоты, заявляющія о его желаніи сдѣлаться христіаниномъ? Изъ объясненій, данныхъ Любекскому сенату, видно только то, что орденъ никакъ не хотѣлъ, чтобъ обращеніе Литвы совершилось помимо его участія, чего именно желалъ избѣгнуть Гедиминъ. Если вы захотите отправить посольство, то и мы отправимъ пословъ вмѣстѣ съ вашими; если вы намѣрены отвѣчать на вызовъ литовскаго князя и принять какія-либо мѣры по этому поводу, то и мы не отстанемъ отъ васъ. Но Любечане не были въ открытой войнѣ съ Литвою, а орденъ провозглашалъ ее главнымъ своимъ призваніемъ, своимъ постояннымъ долгомъ. Тевтонскіе братья не имѣли права ставить свой образъ дѣйствій въ зависимость отъ рѣшеній Любечанъ; они должны были послѣдить своими стараніями о примиреніи съ Гедиминомъ, если не хотѣли мѣшать его обращенію.

Нельзя опредѣлительно сказать, кто первый сталъ продолжать враждебныя дѣйствія, послѣ того, какъ Гедиминъ вторично провозгласилъ о своей готовности жить въ мирѣ съ западнымъ христіанст-

¹⁾ *Raczynski*, Codex., 31 — 32.

вомъ и о своемъ желаніи принять католическую вѣру, послѣ того какъ его грамоты сдѣлались извѣстными. Историкъ ордена очень точно отмѣчаетъ день ближайшаго (ко времени появленія грамотъ) нападенія Литовцевъ на орденскія владѣнія. „2-го августа (vigilia S. Petri ad vincula) Литовцы вошли въ область Самби, сожгли шесть деревень (villas), убили 16 братьевъ ордена, вмѣстѣ съ другою добычей увели женщины и дѣтей“. Но для нѣмецкихъ набѣговъ нѣтъ на сей разъ такой опредѣлительной хронологіи. „Въ этомъ же году во время зимовья комтуръ Гейнрихъ съ восемью рыцарями и тремястами другихъ вооруженныхъ людей отправился на Семигальское поле (Semigalliae campus), расположенное насупротивъ укрѣпленія Пастова, противъ жнецовъ литовскихъ. Рыцари убили изъ нихъ 12 человекъ“¹⁾.

Какъ бы то ни было, слѣдуетъ ли считать нападеніе, сдѣланное 2-го августа, предшествующимъ нападенію, сдѣланному во время жатвы, или на оборотъ, во всякомъ случаѣ оба набѣга, очевидно, не выходили изъ ряда мелкихъ стычекъ, небольшихъ увеселительныхъ „путешествій“, къ которымъ привыкли съ той и другой стороны, для которыхъ не требовалось разрѣшенія изъ Вильны или Кѣнигсберга. Инымъ характеромъ отличается походъ, предпринятый Литовцами нѣсколько позднѣе (въ половинѣ сентября) на польскія области. Одинъ изъ князей Польши, именно князь мазовецкій Ванко (Венцеславъ), женатый на дочери Гедимины, просилъ у своего тестя-язычника помощи противъ тетен своей, которая владѣла землею Добринскою. Туда отправился уже знакомый намъ князь Давидъ Гродненскій, подручникъ Гедиминовъ. Съ сильнымъ литовскимъ войскомъ онъ вошелъ въ Добринскую область, и какъ разказываютъ нѣмецкіе свидѣтели, разорилъ ее самымъ беспощаднымъ образомъ; городъ Добринъ былъ взятъ и обращенъ въ пепель; восемь тысячъ христіанъ погибли отъ меча язычниковъ, болѣе десяти тысячъ лицъ обоюбого пола уведено въ плѣнъ; сожжено десять приходскихъ церквей, убито много монаховъ. „Вредъ былъ такъ великъ, что, вѣроятно, никогда не въ состояніи будетъ поправиться земля Добринская послѣ этого разоренія“, замѣчаетъ современный лѣтописецъ ордена (Петръ Дузбургскій)²⁾.

Похвально, конечно, то негодованіе, съ которымъ рыцари говорили сами и другихъ заставляли говорить о такихъ событіяхъ. Но еще болѣе правы были бы братія тевтонскаго ордена въ своемъ негодованіи,

¹⁾ Petri Dusburg. Chron. S. R. P., I, 188—189.

²⁾ S. R. P. I, 188. Canonic. Sambiens., ibid., 282. Также Codex diplom. Prussic. №№ 107, 108, 114.

если бы они сами собственнымъ пригѣромъ подавали образецъ большаго человеколюбія, если бы они не провозглашали словомъ и дѣломъ, что война значить истребленіе. Въ своихъ обвиненіяхъ противъ Гедимина за Добринскія сечи, орденъ всегда умалчиваетъ о томъ, что походъ былъ предпринятъ Литовцами по приглашенію князя Мазовецкаго¹⁾; но если бы даже этого не было, если бы въ разореніи Добринской области была повинна одна вражда литовскихъ язычниковъ противъ христіанства, то и тогда не пала ли бы часть вины на самый орденъ? Имѣя въ виду и постоянно преслѣдуя цѣли мірскія — властолюбивыя и завоевательныя, орденъ настойчиво вставлялъ на видъ обще-христіанское знамя; разоряя и предавая огню литовскіе села и дворы, онъ провозглашалъ, что дѣлаетъ это во имя христіанства, и такимъ образомъ утверждалъ въ Литовцахъ ту мысль, что ихъ враги не Нѣмцы, а христіане и христіанская западная церковь.

Если Виленскія посланія могли разчитывать на благосклонный пріемъ съ какой-либо стороны, то прежде всего со стороны духовныхъ властей въ землѣ Ливонской и со стороны Рижскаго городского совѣта. Самого архіепископа Фридриха не было въ Ригѣ, но викарій, управлявшій вмѣсто его дѣлами епаркіи, весь Рижскій капитулъ, епископъ Эзельскій, капитулъ Дерптской церкви, монахи нѣкоторыхъ орденовъ готовы были дѣйствовать въ духѣ своего архипастыря. Городской совѣтъ Рижскій, какъ мы знаемъ, привыкъ смотрѣть на Литовцевъ какъ на своихъ союзниковъ противъ ордена, и тѣмъ болѣе долженъ былъ радоваться возможности скрѣпить свои связи съ Литвою узамъ единовѣрія. 6-го августа 1323 г. въ одномъ мѣстечкѣ собрались духовныя и свѣтскія власти Ливоніи для совѣщанія по поводу писемъ Гедимина, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ оказывается, были прямо обращены къ властителямъ лифляндскимъ и эстляндскимъ. Представители ордена также присутствовали здѣсь. Не смотря на возраженія, которыя раздавались отовсюду, можно догадываться, что собраніе пришло къ единодушному рѣшенію, что слѣдуетъ отправить мирное посольство къ литовскому князю²⁾. 8-го

¹⁾ Въ вышеуказанныхъ документахъ, равно какъ и у Петра Дузбургскаго, объ этомъ не упомянуто. Мы узнаемъ объ этой подробности изъ вновь найденнаго документа, напечатаннаго въ Русско-Ливонскихъ актахъ (№ 67).

²⁾ Обстоятельства, предшествовавшія заключенію мирнаго договора ливонскихъ властей съ Гедиминомъ, известны изъ папской буллы, утверждающей миръ (*Raczynski*, *Codex Lithuan.*, 34), и еще съ большою подробностію изъ копій мирнаго трактата, найденной въ Рижскомъ архивѣ и содержащей въ себѣ объяснительное введеніе о его происхожденіи. (Русско-Ливонскіе акты, № 58).

сентября послы, дѣйствительно, отправились въ Вильну; въ средѣ ихъ были два депутата, которыхъ нашелъ нужнымъ, съ своей стороны, назначить мѣстный магистръ ливонскій. Гедиминъ принялъ гостей въ своей стѣницѣ съ большимъ почетомъ. Когда ему представлены были и потомъ прочтаны письма, полученные отъ его имени, онъ тотчасъ призналъ подлинность своей печати и самихъ грамотъ во всей цѣлости ихъ содержания. Послы обратились къ нему съ вопросомъ, намѣренъ ли онъ оставаться вѣренъ тѣмъ обѣщаніямъ, которыя содержатся въ его посланіяхъ. На это послѣдовалъ со стороны князя отвѣтъ въ высшей степени замѣчательный; но мы не знаемъ, должны ли были послы, стоявшіе предъ лицомъ Гедимина, принять слова, которыя они выслушали, за отвѣтъ вполне ясный или за отвѣтъ вполне утвердительный. Вотъ слова Гедимина ¹⁾: „Какъ скоро прійдутъ ко мнѣ послы отъ папы, которыхъ я ожидаю каждый день, тогда все должно будетъ обнаружиться на самомъ дѣлѣ. Что я теперь имѣю на своемъ сердцѣ, то знаетъ Богъ и я самъ. Отъ моихъ прародителей я слышалъ, что папа есть нашъ общій отецъ, ближайшій за нимъ — архіепископъ, затѣмъ другіе епископы. Каждому человѣку въ моей землѣ я позволяю жить по его обычаю и по его вѣрѣ.... Положите, однако, письма и будемъ говорить о мирѣ. Когда онъ будетъ заключенъ, тогда съ Божіею помощію все устроится во благо и къ чести Божіей“.

Сдѣлана была повѣрка полномочій, и оказалось, что какъ всѣ другіе, такъ и два лица, представляющія орденъ, получили полное право дѣйствовать отъ имени своихъ довѣрителей и вести переговоры съ Литовскимъ княземъ объ условіяхъ, которыя должны были принять его со всѣмъ христіанствомъ. „По совѣту и полномочію мудрейшихъ мужей нашихъ ²⁾, мы заключили миръ со всѣми христіанскими людьми, которые прислали къ намъ своихъ пословъ“, — этими словами начинается договорная грамота, выданная Гедиминомъ 2-го

¹⁾ Русско-Ливонскіе акты, № 58, стр. 36. Do Antwarte de koning so wanne des paveses boden der ich alle tage wachtende bin to mi komet, wat ich an mine herten hebbe dat got wol wet unn ich suluen, wante ich dat ge hort hebbe van minen olderen dat de paves user aller vader is, dar naghest: de erste bischop dar na andere bischope. Ich late leken an mime lande enen ieweliken minschen nach sinen seten unn na siner E.. hattit nun de breue lichgen unn speket umme enen vrede, darmach man von godes wegene binnen alle gode dinch tho godes ere wernen. Ср. *Raczynski*, Codex Lithuan 34.

²⁾ Mit sade unn mitt vulborde unrer wisesten. Codex diplom Prussic. № 107. Livländisch. Urkundenb. II № 695.

октября въ городѣ Вильнѣ („послѣ рожденія Господа въ лѣто 1323 въ воскресенье послѣ дня св. Михаила“).

Миръ былъ заключенъ, но скоро оказалось, что до дѣйствительнаго мира было далеко. По видимому, ливонскій магистръ, отправивъ своихъ пословъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и горожанами, слишкомъ поддался общему впечатлѣнію, которое было произведено грамотами Гедимины, и не успѣлъ найдтись въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которое орденъ былъ поставленъ намѣреніемъ Литовскаго князя обратиться *добровольно* въ христіанство, заявленнымъ съ такою публичностію. Не то было въ самой Пруссіи. Не смотря на большое отдаленіе отъ мѣста дѣйствія, тамъ хотѣли знать все дѣло гораздо лучше и сейчасъ же сообразили, что намѣреніе Гедимины сдѣлаться католикомъ, желаніе жить въ мирѣ съ христіанами, все это только ложь и обманъ, ничто иное, какъ злое коварство и не болѣе, какъ хитрое притворство. Одна за другою посылались и полетѣли во всѣ стороны грамоты, защищающія тевтонскій орденъ и обвиняющія Литовскаго князя. Первый поднялся епископъ Ебергардъ Варменскій. Онъ называлъ въ своемъ посланіи (отъ 16-го октября) вполне живымъ тотъ общераспространенный слухъ, будто рыцари нѣмецкаго ордена какъ-нибудь препятствовали обращенію въ христіанство литовскихъ язычниковъ: „Развѣ не доказали эти вѣчные враги Христова имени еще въ текущемъ году своего стремленія вредить какъ можно болѣе, говорить епископъ, христіанской церкви? Развѣ не они опустошили Эстляндію и епископство Дерптское, не они разорили землю Добринскую?“. Узнавъ потомъ о заключеніи мира въ Вильнѣ, тотъ же епископъ, соединившись съ двумя другими (Самландскимъ и Помезанскимъ), обратился (24-го октября) съ увѣщаніемъ къ „властителямъ“ ливонскимъ и эстляндскимъ. „Великій соблазнъ будетъ въ стадѣ Христовомъ, несправимый вредъ нашей землѣ, если — чего не дай Богъ — вы не откажетесь отъ мира съ Литовцами. Сии дѣти сатаны замышляютъ ложь и обманъ... Отжормившись, какъ мышь въ мѣшкѣ, отогрѣвшись, какъ змѣя за паукою, они обратятъ въ ничто съ начала насъ и наши предѣлы, потомъ васъ и ваши провинціи... Не можетъ быть мира у Христа съ Веліаломъ, не должно быть союза у воиновъ Господа съ родомъ грѣховнымъ и мерзкимъ, сынами злодѣянія... Когда они говорятъ, они лгутъ, и когда лгутъ, отъ своихъ глаголютъ, поелику живъ отецъ ихъ діаволъ, которому они слѣдуютъ“¹⁾.

¹⁾ Codex Prussic., II № 105, pp. 113 и 114.

Ровно черезъ мѣсяць (25-го ноября) явилось новое посланіе, даже въ двухъ редакціяхъ — одна для папы, другая для всѣхъ христіанъ. Оказалось, что и минориты, для которыхъ Гедиминъ строитъ церкви, находятся не на его сторонѣ, но крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ Пруссіи, поближе къ руцѣ и вліянію властей нѣмецкаго ордена. Ихъ прусскій провинціальный начальникъ (custos) началовался о напрасно очерненной доброй славѣ ордена; только враги и соперники ордена осмѣливаются утверждать, будто литовскій „король“ хочетъ принять вѣру христіанскую, а братія ордена этому стараются воспрепятствовать. „Намъ дѣло извѣстно полнѣе и лучше (nobis certius et plenissime constat); вышеназванный король дѣйствительно разослалъ по разнымъ странамъ міра грамоты, въ которыхъ онъ объявляетъ за себя, за своихъ и за все свое царство желаніе креститься и присоединиться къ сонму вѣрныхъ; но когда къ нему приходили изъ разныхъ мѣстъ торжественныя посольства, то не только увидѣли его лживость въ этомъ отношеніи, но даже услышали, какъ онъ богохульствовалъ противъ нашего Господа Бога... Возможно ли и вѣроятное ли дѣло—разсуждалъ глава прусскихъ миноритовъ—чтобы люди, оставившіе міръ, принявшіе на себя обѣтъ защищать христіанъ, ежедневно подвергающіе смертной опасности свои тѣла, могли препятствовать обращенію вышесказаннаго государя и его народа?“¹⁾

Нельзя не подумать, что такія посланія могли писаться только по внушенію другихъ—*puti aliorum*, какъ въ самомъ дѣлѣ и утверждали въ Ригѣ. Откуда, напримѣръ, минориты прусскіе могли лучше знать дѣло, чѣмъ кто другой? Ихъ собратія, въ Вильнѣ, вѣроятно, могли знать всѣ обстоятельства еще лучше, а они станутъ, какъ мы потомъ увидимъ, говорить другое о намѣреніяхъ Гедимина. Какія это торжественныя посольства приходили къ Гедимину, кромѣ ливонскихъ пословъ? Но послы ливонскіе ничего богохульнаго отъ Гедимина не слышали, кромѣ развѣ того, что онъ никого не принуждаетъ измѣнять вѣрѣ отцевъ, а всякому позволяетъ оставаться при его обычаяхъ и религіи....

Долго не прекращалось появленіе такого рода документовъ. Уже въ началѣ слѣдующаго 1324 года (17-го января) два монаха цистерціанскаго ордена отправили къ папѣ донесеніе такого же точно содержанія, какъ и минориты²⁾. Эта письменная буря, поднятая въ Пруссіи, не осталась безъ соответственныхъ проявленій болѣе прак-

¹⁾ Ibid. № 106.

²⁾ Ibid. № 108.

тическаго свойства. Ливонскій магистръ, исправляя свою прѣжнюю ошибку, обратился (въ концѣ 1323 года) на одномъ собраніи въ вѣстияхъ города Риги съ приглашеніемъ отказаться отъ мира, заключеннаго съ Литовцами. Въ началѣ 1324 года епископъ Курляндскій Павелъ пишетъ епископу Эвельскому, что если послѣдній не отречется отъ договора, заключеннаго при его участіи, то на него надеть весь вредъ, понесенный Курляндскою церковію отъ Литовцевъ *).

Всего болѣе досадовали рыцари ордена на Рижскихъ горожанъ, которые и теперь не хотѣли отречься отъ Виленскаго договора; за то и не щадили же тевтонскіе братья усилій и чернилъ, чтобы повредить имъ, во мнѣніи ихъ друзей и покровителей. Не довольствуясь послѣдними епископа Варменскаго съ товарищами, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, была немалая капля меду, принадлежащаго Божиимъ дворьянамъ, чины ордена прямо отъ себя сдѣлали попытку очернить своихъ недруговъ предъ сенатомъ города Любека, такъ какъ Рижане всего болѣе дорожили расположеніемъ этого могущественнѣйшаго члена Ганзы: грамоты-де Гедимина, подложны и печать на нихъ поддѣльная; обчинили эти грамоты и поддѣляли печать въ городѣ Ригѣ; вся эта низкая интрига устроена Рижскими купцами ради севернаго прибытка, изъ любви къ барышнямъ, которые получаютъ отъ торговли съ литовскими и русскими областями, подвластными Гедимину; всѣ бѣдствія, понесенныя недавно христіанами, все кровопролитіе въ земляхъ нѣмецкихъ и польскихъ должны вѣсть на виновниковъ этого преступнаго мира **).

Легко было отвѣчать Рижанамъ на такія обвиненія: „Грамоты получены не нами одними, пословъ къ Гедимину отправляли не мы одни, были между ними и депутаты отъ ордена; всѣ послы слышали, какъ самъ князь Литовскій и грамоты, и печать призналъ своими; не о нашихъ только выгодахъ думали мы, отправляя посольство и заключая миръ, а о пользѣ всего христіанства; для насъ, напротивъ, янѣе свѣта, что рыцари хотятъ разрушить миръ, имѣя въ виду свои товары въ Динабургѣ и Митавѣ: когда прекращается наша торговля, они тѣмъ выгоднѣе продаютъ ихъ Литовцамъ; опустошеніе Дерптской области, походъ на помощь князю Мазовецкому въ область Добринскую, все это предшествовало заключенію мира, а не слѣдовало за нимъ; рыцари грозятъ намъ войною,—мы по необходимости

*) *Bonnel*, Chronographie, 137.

**) Русско-Ливонскіе акты № 62.

будемъ защищаться и беремъ Бога во свидѣтели, что не на насъ падеть отвѣтственность, за то, къ чему мы будемъ вынуждены" ¹⁾. Что тевтонскій орденъ отрывается отъ мира и не хочетъ его соблюдать, объ этомъ Гедиминъ могъ узнать уже отъ своихъ Рижскихъ союзниковъ. Если еще могли быть какія сомнѣнія, то они должны были совершенно исчезнуть къ веснѣ 1324 года. Зимой этого года, по обыкновенію, прибыли въ землю Прусскую гости изъ Германіи, изъ Чехіи — тоже, кажется, Нѣмцы, если судить по ихъ именамъ; зимняя военная прогулка въ землю Литовскую не состоялась только вслѣдствіе слишкомъ мягкой погоды и тонкости льда на рѣкахъ и болотахъ. За то въ мартѣ (4-го числа) разоренъ былъ удѣлъ князя Давида Гродненскаго, а въ маѣ рыцари съ своими гостями неожиданно появились въ предмѣстьяхъ замка Гедимина (то-есть, по видимому, Виленскаго замка, *suburbium castri Gedemini*), пожгли ихъ, и убили кого нашли въ нихъ; другіе спаслись въ замкѣ ²⁾.

Намѣреніе добровольно обратиться въ католичество не только не спасало Литовскаго князя отъ меча и оружія нѣмецкаго, напротивъ тѣмъ сильнѣе, по видимому, раздражало исконныхъ враговъ литовской народности. И сверхъ того, Гедиминъ долженъ былъ убѣдиться, что, не спасаясь отъ враговъ, онъ этимъ ослабляетъ себя, теряетъ друзей, утрачиваетъ любовь и расположеніе подданныхъ. Ни замечская Жмудъ, ни православные жители русскихъ областей не хотѣли слышать о „нѣмецкой“ вѣрѣ. Бодрѣ жмудскіе (*potentiores de Sameytia*) прямо грозили возстаніемъ, лишеніемъ престола, конечнымъ истребленіемъ всего рода Гедимина, если онъ приметъ эту вѣру; они объявили, что въ такомъ случаѣ они готовы заключить союзъ просивъ Гедимина съ своими старыми врагами, рыцарями тевтонскаго ордена. Достоинствѣ свидѣтели утверждали послѣ, что съ своей стороны рыцари отравили большіе подарки и красивыя свитки (*tunicas*) жмудскимъ вельможамъ, возбуждая ихъ къ возстанію противъ князя, намѣревающагося измѣнить ихъ родной вѣрѣ ³⁾. Русскіе подданные Гедимина съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ Жмудины, могли видѣть въ его намѣреніи принять католическое исповѣданіе прямую угрозу своей собственной вѣрѣ; прямую измѣну православію. Рожденный отъ того Витена, котораго православный епископъ Полоцкій называлъ „сыномъ мѣжъ

¹⁾ Русско-Ливонскіе акты № 62.

²⁾ Petri Dusburg. Chron. R. S. P. I, 189, 190.

³⁾ Русско-Ливонскіе акты № 67, стр. 47.

Витенемъ", отецъ дѣтей, женатыхъ на русскихъ княжнахъ, и дочерей, виданныхъ замузъ въ русскія земли, Гедиминъ не былъ въ глазахъ русскаго населенія врагомъ православія, даже не считался челоукомъ ему чуждымъ. Съ нѣвотораго времени литовскіе князья владѣли древнею русскою столицей, святымъ Киевомъ. Мы имѣемъ полное право не дожбрытъ свидѣтельству позднѣйшей литовской хроникки, когда она утверждаетъ, что Гедиминъ былъ первый изъ литовскихъ князей, предъ которымъ отворились Киевскія ворота, и когда она указываетъ опредѣленный годъ для этого событія (1321 г.). Но нѣтъ сомнѣній, что старинный писатель совершенно вѣрно передаетъ отношенія между русскимъ населеніемъ и литовскимъ княжескимъ домомъ, когда представляетъ себѣ, что Киевляне принимаютъ Гедимина не какъ чужаго, а своего роднаго русскаго князя, что духовенство — игумены, попы и діаконы — выходятъ къ нему на встрѣчу со крестами и иконами ¹⁾. Между литовскими князьями уже прежде были такіе, которые отвергто исповѣдывали восточное православіе; самъ Гедиминъ представляется намъ въ своихъ собственныхъ рѣчахъ челоукомъ, вполне знакомымъ съ христіанскими вѣрованіями и догматами; онъ прямо отвергаетъ языческое многобожіе. Нѣтъ сомнѣній, что христіанскія идеи усвоены были имъ прежде всего отъ обружающихъ его русскихъ подданныхъ. Ему, какъ и многимъ другимъ Литовцамъ и послѣдующимъ князьямъ литовскимъ, не доставало только крещенія, чтобъ быть членомъ православной церкви. Въ исторіи различныхъ обращеній мы знаемъ много случаевъ, гдѣ сначала стоитъ болѣе или менѣе недобровольное крещеніе народа, а уже затѣмъ слѣдуетъ воспитаніе его въ христіанскихъ понятіяхъ и дѣйствительное уничтоженіе язычества. Въ Литвѣ, какъ все показывало, должно было совершиться обратное явленіе. Подъ русскимъ вліяніемъ, которое хотя не отличалось воинственною и рѣзвою энергіей, но за то было спокойно, дружелюбно, жиро и по самой природѣ вещей постоянно, — подъ этимъ вліяніемъ язычество падало, а христіанскія вѣрованія и понятія усиливались не только въ высшихъ, княжескихъ фамиліяхъ, но и среди народа. Все это необходимо должно было завершиться тѣмъ рѣшительнымъ шагомъ, который рѣдко дѣлался добровольно, но на этотъ разъ, по видимому, имѣлъ быть добровольнымъ, то-есть, крещеніемъ. Гедиминъ, не представляя и въ этомъ особенноти среди князей русскихъ, заваявалъ сношенія съ папою: до тѣхъ поръ, пока

¹⁾ Ливонская хроника *Нарбута*, стр. 168.

онъ этого не сдѣлалъ, не высказалъ намѣренія креститься по католическому обряду, — Русскіе и православные Литовцы могли считать своего князя почти своимъ единовѣрцемъ; болѣе отдаленная и мало-свѣдущая масса даже, быть можетъ, считала его прямо православнымъ, какъ всѣ князья русскіе; болѣе приближенные и образованные могли надѣяться и ожидать рѣшительнаго поступка въ недалекомъ будущемъ. Во всякомъ случаѣ за себя, за свою вѣру православные подданные Гедимина не имѣли повода тревожиться; если, оставаясь въ язычествѣ, Гедиминъ подвергалъ опасности свое личное спасеніе, то не мѣшало спасенію другихъ. Все это должно было измѣниться съ принятіемъ католичества. Русскіе князья и бояре, подвластные Гедимину, имѣли нѣкоторое знакомство съ католичествомъ и могли предвидѣть довольно ясно, что Гедиминъ-католикъ уже не будетъ говорить, какъ говорилъ доселѣ: я позволяю каждому жить въ той вѣрѣ, въ какой онъ хочетъ. Совершенно понятно поэтому, что и русскіе подданные Гедимина съ такою же силою возстали противъ его намѣренія обратиться въ католичество и точно также не удержались отъ угрозы, какъ и жмудскіе язычники ¹⁾.

Угрозы русскихъ подданныхъ должны были имѣть тѣмъ болѣе серьезную важность для Гедимина, что надъ нимъ собиралась въ это время немалая опасность съ востока. Владѣя Киевомъ, будучи близкимъ сосѣдомъ татарскихъ кочевьевъ, начинавшихся тотчасъ за Днѣпромъ ²⁾, Гедиминъ имѣлъ грознаго врага въ лицѣ знаменитаго хана татарскаго, Узбека. Быть можетъ, это обстоятельство было также въ числѣ побужденій, которыя заставили его обратиться на западъ, заботиться о сближеніи съ папой и католическимъ міромъ. Но и Узбекъ не былъ настолько грубымъ варваромъ, чтобъ быть чуждымъ всякихъ политическихъ соображеній. Его родственныя связи отъ Москвы до Каира въ Египтѣ ³⁾, его сношенія съ папами, изъ коихъ съ однимъ Бенедиктомъ XII ⁴⁾ онъ находился въ дружеской перепискѣ; толпы Нѣмцевъ, Литовцевъ и Русскихъ, собиравшіяся вокругъ

¹⁾ Similia verba minatoria habuerunt Rutheni contra eum. Русско-Литовскіе акты № 67, стр. 47.

²⁾ Киевъ находится in confinibus Ruthenorum et Tartarorum: *Theimer, Veter. Monum.* I, № 255.

³⁾ Сестра Узбека Бончака, Агаея, была за Юріемъ Даниловичемъ. Знаменитый султанъ Насиръ былъ также женатъ на принцессѣ изъ рода Узбекова: *Weil, Geschichte der islamitischen Völker*, 395.

⁴⁾ *Карамзинъ*, IV, примѣч. 334.

его ставки ¹⁾, все это способно было, безъ сомнѣнія, расширить кругозоръ умнаго и способнаго князя Кипчакской орды. Четыре года тому назадъ (въ 1319 г.) умеръ въ ордѣ одинъ изъ русскихъ князей, котораго татарскіе судьи обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ съ казной и отпустилъ казну въ Римъ, къ папѣ ²⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Узбекъ является какъ-бы защитникомъ православія и религиозныхъ интересовъ подвластнаго ему русскаго населенія ³⁾. Гедимину, поэтому, не могли пройти безнаказанно его сношенія съ Римомъ, тѣмъ болѣе, что они способны были, по мнѣнію Узбека, усилить могущество литовскаго князя во вредъ Монголамъ. Въ 1324 году (вѣроятно, весной) „ханъ Узбекъ послалъ князей (русскихъ) воевать Литву“: они могли пойти тѣмъ охотѣе, что вѣроятно, и они питали тѣ же чувства при извѣстии о католическихъ намѣреніяхъ Русско-литовскаго князя, какъ и собственные подданные Гедимина. Мало имѣемъ мы извѣстій объ этомъ походѣ; лѣтопись замѣчаетъ только, что князья воротились съ плѣномъ ⁴⁾. Но татарскихъ пословъ, пришедшихъ, вѣроятно, для переговоровъ о мирѣ, мы еще увидимъ въ Вильнѣ, во дворцѣ Гедимина, гдѣ они встрѣтились съ римско-католическимъ посольствомъ отъ имени Авиньонскаго папы.

Поздно пришло это католическое посольство, и многое должно было намѣниться во взглядахъ и намѣреніяхъ Литовскаго князя къ осени 1324 года.

V.

Духовный владыка западнаго христіанства, папа Іоаннъ XXII, по его собственному сознанию, былъ очень обрадованъ, даже приведенъ въ восторгъ посланіями, пришедшими съ далекаго сѣвера и обѣщавшими новое великое приобрѣтеніе для католической церкви. Не смотря на то, онъ долго не принималъ прямыхъ мѣръ для ускоренія радост-

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи. III, 278.

²⁾ Обвиняли въ томъ Михаила Ярославича. См. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, III, 277.

³⁾ Узбекъ явился, напримѣръ, на помощь русскимъ князьямъ и боярямъ противъ короля польскаго Казимира, который въ 1340 году вторгнулся въ Галицію, желая отомстить за смерть католика Болеслава, отравленнаго своими подданными за преслѣдованіе ихъ вѣры. Побѣжденный Казимиръ въ мирномъ договорѣ съ Узбекомъ обязался признать свободу православнаго обряда.... *Theiner, Vetera Monum. Polon.* 1 № 566.

⁴⁾ Никоновская лѣтопись подъ 1324 годомъ.

наго соби́тія. Ожесточенный споръ съ свѣтскимъ главою Священной Римской имперіи, вопросомъ мірской власти а свѣтскаго могущества занимали святаго отца не менѣе, чѣмъ приобрѣтеніе новыхъ овецъ для своей паствы, и отвлекали его вниманіе отъ дѣлъ сѣвера. Съ 8-го октября 1323 года на вратахъ церкви Авиньонскихъ красовалась прозная булла противъ Людовика Баварскаго, который именовалъ себя римскимъ королемъ и германскимъ императоромъ, но только на основаніи избранія большинствомъ курфюрстовъ и победы, одержанной надъ соперникомъ. Іоаннъ XXII утверждалъ, что этого было недостаточно, что нужно было, сверхъ того, изслѣдованіе (examinatio), одобреніе и допущеніе со стороны папскаго престола. Людовикъ обзавался въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ сложить съ себя незаконно присвоенный санъ и только тогда принять его снова, когда получитъ папское утвержденіе; всѣмъ подданнымъ Священной Римской имперіи воспрещалось оказывать повиновеніе или вспоможеніе своему государю — подъ страхомъ отлученія отъ церкви, имѣющаго пасть на ихъ лица, и церковнаго запрещенія, долженствующаго постигнуть ихъ земли и владѣнія ¹⁾. Но папскіе громы, послѣ пощечины, полученной въ Аванья Вонифаціемъ VIII, дѣйствовали уже не съ прежнею силою. Не дожидаясь истеченія трехмѣсячнаго срока, императоръ отвѣчалъ рѣзкимъ протестомъ противъ притязаній римскаго первосвященника и апеллировалъ ко вселенскому собору: а слово такъ долго было ненавистнымъ для непогрѣшимаго папства. Когда потомъ послѣдовало дѣйствительное отлученіе отъ церкви, Людовикъ не только не смутился, но отвѣчалъ еще болѣе энергическими документами, обличая Іоанна, „который именуется себя папою и двадцать-вторымъ“, во враждѣ къ миру, въ возбужденіи несогласія и соблазна въ христіанствѣ, даже въ ереси. Распря принимала тѣмъ болѣе опасный характеръ, что представитель свѣтской власти нашелъ себѣ помощниковъ среди самаго духовенства католическаго, именно среди столь дѣятельнаго въ Литвѣ и на Руси нищенствующаго ордена францисканцевъ; они стали на его сторону потому, что папа Іоаннъ рѣшилъ не въ ихъ пользу споръ ихъ съ доминиканцами. Приверженцы строгихъ правилъ Франциска Ассизскаго, минаориты утверждали, что Христосъ и апостолы во время своей земной жизни никогда не имѣли никакой собственности, что поэтому только тотъ можетъ считаться достойнымъ преемникомъ

¹⁾ *Gieseler*, Lehrbuch der Kirchengeschichte, II, 3-te Abtheil., 22, гдѣ напечатана въ примѣчаніи самая булла. Тамъ же можно найти въ извлеченіи всѣ документы, которые здѣсь имѣются въ виду.

жи въ санѣ священства, кто, подобно имъ, не имѣлъ на землѣ ничего такого, что онъ могъ бы назвать своимъ. Такое ученіе уже ранѣе, именно при Бонифациѣ VIII, возбуждало много споровъ въ римской церкви, столь богато надѣленной земными благами, и уже подверглось осужденію. Но минориты не отказались отъ него. Одинъ случай въ годѣ Нарбоннѣ подавъ поводъ къ осужденію ебора. Въ 1321 году, вѣрши святой инквизиціи, котораю, какъ извѣстно, завѣдывали доминиканцы, попался одинъ бегинъ (еретикъ), утверждавшій, между прочимъ, что Христосъ и апостолы, слѣдуя пути совершенства, ничего не имѣли въ видѣ собственности или владѣнія, ни въ частности каждый отдѣльно, ни всѣ вмѣстѣ. Инквизиторъ пригласилъ въ участію въ судѣ надъ еретикомъ многихъ монаховъ, въ числѣ ихъ одного естотеля миноритовъ, и по прочтеніи еретическихъ пунктовъ, жѣлъ, рядомъ съ другими заблужденіями, подвергнуть осужденію и ученіе объ абсолютной бѣдности Христа и апостоловъ. Но миноритъ сталъ утверждать, что въ этомъ вовсе нѣтъ ереси, что напротивъ, это догматъ здравый, католическій и несомнѣнный. Доминиканецъ грозно потребовалъ немедленнаго отреченія, миноритъ не согласился, и осужденный, какъ еретикъ, апеллировалъ въ суду папскому. Если ужъ и предыдущимъ паламъ догматъ о бѣдности не нравился, то тѣмъ болѣе неумѣстимъ и противоевангельскимъ должно было показаться ученіе объ абсолютной бѣдности Христа и апостоловъ именно Іоанну XXII, который послѣ своей смерти оставилъ имущество въ двадцать пять милліоновъ флориновъ, и по справедливости можетъ быть названъ величайшимъ изъ финансистовъ, когда-либо воздавшихъ на престолахъ св. Петра. Когда въ 1322 году капитулъ францисканскаго ордена, собравшись въ Перуджии, единогласно принялъ и торжественно провозгласилъ это ученіе, какъ истинное ученіе церкви, основанное на авторитѣ Священнаго Писанія, папа объявилъ претинами всѣхъ, кто осмѣлится утверждать, что Христосъ или апостолы не имѣли ни отдѣльнаго, ни общаго владѣнія и находились въ состояніи безусловной бѣдности. Доминиканцы съ торжествомъ приняли ишеніе папы и стали преслѣдовать новыхъ еретиковъ; они шли въ своей ревности еще далѣе, чѣмъ папа, и утверждали, что учить, будто Христосъ и апостолы ничего не имѣли, есть большая ересь, чѣмъ отвергать воплощеніе Господа.¹⁾ Нѣсколько миноритовъ попали въ тюрьмы

¹⁾ Это на основаніи слѣдующаго образцоваго силлогизма: То составляетъ большую ересь, что идетъ противъ большей очевидности. Но утверждать, что Христосъ и апостолы ничего не имѣли, — значитъ идти противъ большей очевид-

и на востры инквизиціи, большинство покорилось папскому рѣшенію, немалое количество спаслось въ Германію, къ Людовику Баварскому, и сдѣлались самыми полезными помощниками императора въ борьбѣ съ папою. Сильные манифесты, которыми императоръ отвѣчалъ на отлучительныя папскія буллы, обязаны своимъ происхожденіемъ имѣю перу раздраженныхъ миноритовъ; и нужно сказать, никогда еще пѣванія папской курии не встрѣчали столь сильнаго отпора, никогда еще ученіе о свѣтской власти папы и о церковномъ его главенствѣ не подвергалось такой смѣлой критикѣ, такому рѣшительному отлученію. Ведѣущіе минориты были не только сочинителями этихъ манифестовъ, но и служили самыми усердными и надежными ихъ распространителями. Въ темныя массы, куда не проникало писанное слово, проникала проповѣдь нищенствующаго монаха и была встрѣчаема съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ, что народъ привыкъ съ особеннымъ благоговѣніемъ смотрѣть на бѣдно одѣтаго, изнуряннаго, нищенствующаго, и по его мнѣнію, непременно святаго минорита. Какъ грозно и опасно было для папскаго престола движеніе, поднявшееся въ Германіи; можно судить по слѣдующимъ немногимъ указаніямъ. Одинъ очень умный и проникательный наблюдатель, Венеціанецъ Маринъ Сануто, писалъ около этого времени, что со стороны Нѣмцевъ грозитъ римской церкви такая же слеза, какая послѣдовала прежде со стороны Грековъ. Въ городѣ Страсбургѣ священникъ, который хотѣлъ прибить къ дверямъ церковнымъ папскую отлучительную буллу, попалъ въ рѣку Рейнъ, а доминиканцы были выгнаны изъ города. Жители Регенсбургъ голодомъ принудили свое духовенство отпраздновать богослуженіе, не смотря на интердиктъ¹⁾. Даже въ польскихъ областяхъ сочувствовали болѣе Людовику Баварскому, чѣмъ папѣ Іоанну XXII. Аббаты двухъ монастырей около Вратислава (Бреслава): не позволили читать папскія буллы, направленныя противъ Людовика, и говорили рѣчи, коворящія святой престолъ; другіе монахи, вмѣстѣ съ свѣтскими людьми, бросились на разнощиковъ папскихъ буллъ, избивли ихъ до крови и тяжело изранили²⁾.

ности, чѣмъ очевидность воплощенія; потому что тѣ, которые жили во время Христа и апостоловъ, ясо видѣли, что Христосъ и апостолы имѣютъ нѣчто въ отдѣльномъ или общемъ владѣніи; но они не видѣли такъ ясно, что воплотился Богъ, а видѣли ясно только то, что Христосъ есть чистый человекъ. Ergo.... (у Гизелера).

¹⁾ *Sugenheim*, *Gesch. des deutschen Volkes*, III, 200.

²⁾ *Theiner*, *Vetera Monum. Poloniae*, I, № 357, p. 228.

Такииъ образомъ, въ то самое время, когда Литва готовилась отдаться подъ власть римскаго престола, изъ руль прусскихъ едва не усвоившая Германія. Здѣсь скорѣе всего нужно искать причинъ той медленности, съ какою папа отвѣчалъ на письма Гедимина. Еще 1-го ноября 1323 года Іоаннъ XXII извѣщалъ своего союзника, французскаго короля Карла IV, что Гедиминъ, „именующій себя королемъ Литвы и Русскихъ“, прислалъ ему недавно (пирег) письмо, въ которомъ изъявляетъ желаніе „подчиниться единству римской церкви“ и просить прислать легатовъ для наставленія въ вѣрѣ¹⁾. Но до самаго іюня 1324 года этихъ легатовъ не было отправлено и не дано никакого отвѣта Гедимину. Даже при разборѣ долголѣтней тяжбы между архіепископомъ Рижскимъ, находившимся въ Авиньонѣ, и орденомъ тевтонскимъ, жалобы Литовскаго князя, по видимому, не были приняты во вниманіе; по крайней мѣрѣ, о нихъ не упоминается прямо въ относящейся сюда бумагѣ отъ 1-го февраля (1324 г.), хотя обвинительные пункты противъ ордена, выставленные въ этомъ неприятномъ для тевтонскихъ братьевъ документѣ, находились въ близкой связи съ содержаніемъ Виленскихъ посланій. Дошло до нашего слуха, говорить здѣсь святой отецъ, что рыцари ордена пренятствуютъ миноритамъ и доминиканцамъ проповѣдывать евангеліе язычникамъ; если это будетъ продолжаться, то виновные тѣмъ самымъ (ipso facto) подвергнутся впредь отлученію отъ церкви. Дошло до нашего слуха, что рыцари тевтонскаго ордена безчеловѣчно обходятся съ новообращенными, притѣсняютъ ихъ всячески и обращаютъ въ рабство, не позволяя духовенству строить для нихъ церкви и отправлять богослуженіе: если это будетъ продолжаться, то виновные тѣмъ самымъ подвергнутся отлученію отъ церкви. До нашего слуха дошло, что магистръ, чины и рыцари позволяютъ себѣ насильственные поступки противъ лицъ духовныхъ, захватываютъ ихъ въ плѣнъ, подвергаютъ темничному заключенію, убиваютъ, разрушаютъ ихъ церкви: такіе поступки на будущее время влекутъ за собою отлученіе отъ церкви и другія болѣе суровыя наказанія. Сверхъ того, намъ принесены были еще другія жалобы. Рыцари не пропускаютъ чрезъ свои владѣнія пословъ, отправляемыхъ изъ ихъ земель и странъ, сопредѣльныхъ къ римской куріи, и даже пословъ отъ самаго престола апостольскаго, отправляемыхъ въ ихъ страны. Наконецъ, ихъ обвиняютъ въ томъ, что, подражая язычникамъ, съ которыми они ведутъ войну, рыцари

¹⁾ Livländisch. Urkunenb. II, № 647.

убиваютъ своихъ раненныхъ, прежде чѣмъ тѣ умрутъ сами; и тѣла мертвыхъ не предають христіанскому погребенію, а сжигаютъ на кострѣ; что они усвоили себѣ языческіе обычай разнѣхъ гаданій о будущемъ: все это преступленія, подлежащія строгому церковному наказанію ¹⁾.

Нельзя не замѣтить странной уклончивости и разчитанной, осторожной нерѣшительности въ изложенномъ нами содержаніи папскаго документа. Обвиненія, на сколько они касаются прошедшаго, прикрываются какимъ-то туманомъ: это слухи, дошедшіе до папскаго престола. Преступленія, взводимыя на орденъ, очень тяжки, но сами рыцари положительно отрицають всякую виновность съ своей стороны. Тѣмъ не менѣе считается возможнымъ повтореніе не слуховъ и жалобъ, а самыхъ возмутительныхъ и преступныхъ дѣяній, въ которыхъ давно обвиняли орденъ, и—слѣдуютъ угрозы проклятіемъ, отлученіемъ отъ церкви. Видно, что какъ ни старались тевтонскіе братья сбѣть съ своихъ плечъ тяжелыя обвиненія, на нихъ взводимыя и христіанами, и язычниками, сколько ни заставляли писать епископовъ и монаховъ, находившихся подъ ихъ рукою, они не могли похвалиться полнымъ успѣхомъ своихъ усилій. Папская булла писана тогда, когда, безъ сомнѣнія, ужь успѣли дойти до Авиньона прусскія бумаги, въ которыхъ такъ хорошо описывалась голубиная невинность ордена; но орденъ все-таки не былъ вполне убѣжденъ предъ очами римской курии. Папская булла писана тогда, когда папа Іоаннъ XXII имѣлъ очевидный интересъ шадить рыцарей Тевтонскаго ордена, дабы не оттолкнуть ихъ прямо и рѣшительно на сторону императора, къ которому они и безъ того склонялись; но были другіе интересы и соображенія, которыя не позволяли идти до конца и произнести вполне оправдательный приговоръ ²⁾.

Невсегда легко и удобно было для папской курии соглашаться требованія мірской политики съ своими духовными обязанностями. Какъ ни радовался папа Іоаннъ XXII письмамъ, полученнымъ отъ государя литовскаго и русскаго, онъ не могъ въ то же время не чувствовать затруднительнаго положенія, въ которое былъ имъ поставленъ.

¹⁾ *Thesaur. Vetera Monum.*, I, № 279.

²⁾ Напрасно Фойхтъ (*Geschichte Preussens*, IV, 374) утверждаетъ, что орденъ въ это время былъ вполне оправданъ папою.... О большей части обвиненій мы уже знаемъ, что они справедливы; сжигеніе мертвыхъ тѣлъ засвидѣтельствовано историкомъ литовскаго ордена, Германомъ Вартбергскимъ (*S. R. P.* II, 109) подъ 1375 годомъ: *invenerunt corpora sepe que conflagravit*.

Принять прямо подъ свое покровительство Гедимина значило оскорбить орденъ въ самыхъ существенныхъ его интересахъ, а это было весьма опасно и вредно при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Нельзя было, съ другой стороны, и отказаться отъ такого великаго для католической церкви приобрѣтенія, какое представлялось въ лицѣ Литовскаго князя. Когда прошло болѣе полугода со времени отправленія известнаго намъ письма къ французскому королю, Іоаннъ XXII избралъ наконецъ двухъ духовныхъ лицъ, которые должны были отправиться на сѣверъ; это были Вареоломей, епископъ Алетскій (въ Нарбоннской провинціи), и Бернардъ, аббатъ монастыря св. Теофрида (въ области Аниціумъ или Пюи, на верхней Луарѣ).

Павскіе легаты, получивъ назначеніе въ Ригу и Вильну, отправились изъ Авиньона, снабженные всѣми средствами для успѣшнаго исполненія возложеннаго на нихъ порученія. Они получили отъ Іоанна XXII цѣлый рядъ грамотъ, которыя вооружали ихъ всѣмъ авторитетомъ власти апостольскаго престола. Интересна прежде всего и нѣсколько загадочна булла (отъ 1-го іюня), долженствующая служить инструкціей и вѣстѣмъ полномочіемъ для легатовъ. Гедиминъ въ своихъ письмахъ ни слова не говоритъ о своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ православіе. Если судить по первому его посланію къ папѣ, то онъ говорилъ въ нихъ собственно какъ представитель литовской народности. Тѣмъ не менѣе папская булла постоянно твердитъ о „схизматикахъ“, которые должны будутъ признать власть римскаго престола; о литовскихъ измѣнникахъ она прямо не упоминаетъ, даже самъ Гедиминъ считается, по видимому, нѣкоторое время „схизматикомъ“. Слѣдуетъ, конечно, обратить вниманіе на то, что папская канцелярія имѣла свои постоянныя, неизмѣнныя формы для известнаго рода документовъ; въ буллѣ, данной епископу Вареоломею и аббату Бернарду, прописаны такимъ образомъ тѣ полномочія, которыя обыкновенно давались легатамъ папскаго престола: давать разрѣшеніе состоящимъ подъ церковнымъ отлученіемъ, утверждать духовныхъ лицъ, возвращающихся отъ схизмы въ католическую церковь, въ ихъ званіи и привилегіяхъ, разрѣшать схизматикамъ, возвращающимся къ единству вѣры, чтобъ они оставались и жили между своими, если того пожелаютъ, и т. д. Но очень возможное дѣло, что въ Авиньонѣ, дѣйствительно, имѣли въ виду присоединеніе къ католической церкви „схизматиковъ“. Немного гдѣтъ тому назадъ была учреждена католическая епархія въ Кіевѣ, который находился подъ властью Гедимина. Такимъ образомъ и теперь надежды и притязанія римскаго

престола имѣли въ виду жителей русскихъ княжествъ, подвластныхъ Гедимиனு: старая, завѣтная цѣль. Въ настоящую минуту римская курія въ Авиньонѣ обращала туда свои взоры, тѣмъ съ большимъ предпочтеніемъ, что изъ-за русскихъ христіанъ ей не грозила ссора съ орденомъ, получившимъ исключительное право обращаться и поворать *язычниковъ* ¹⁾.

¹⁾ *Turgen.*, *Histor. Russiæ Monum.* I, № 108. *Theiner*, I, № 290. Напрасно утверждаютъ, что папа и католики имѣли обыкновеніе русскихъ православныхъ называть также язычниками (*pagani*). На этомъ особенно настаиваетъ Нарбутъ, при разрѣшеніи вопроса, какого вѣроисповѣданія былъ Ягайло до Краковскаго крещенія. Нарбутъ говоритъ, что Русскіе названы язычниками въ буллѣ папы Александра IV (1255 г.). Булла эта обращена къ Миндовгу, и вотъ ея содержание (*Theiner*, I, № 335): «Съ неутомимю бодростію воюя противъ царства Русскаго (*regnum Russiæ*) и его жителей, находящихъ на кривомъ пути невѣрности (*in infidelitatis devio constitutos*), ты покоришь нѣкоторыя земли этого царства: имѣя въ виду, что если ты будешь владѣть сказанными землями, то и соседнія области *язычнковъ* и невѣрныхъ (*vicine paganorum et infidelium regiones*) легко могутъ быть покорены твоей власти и приобретены христіанскому богослуженію, — мы утверждаемъ за тобою вышесказанныя земли». Итакъ, жители царства, или лучше, королевства Русскаго, то-есть, подданные Данила Галицкаго названы здѣсь людьми находящимися на кривомъ пути невѣрности (то-есть въ отношеніи къ папскому престолу), что вовсе не означаетъ язычества; язычниками въ отличіе отъ нихъ названы жители соседнихъ областей. Но какія области здѣсь разумѣются? Отвѣчать очень легко, если мы припомнимъ Ятвяговъ, о которыхъ хлопотала въ то время римская курія: вотъ действительные язычники, которыхъ разумѣетъ Александръ IV. Другое доказательство Нарбута въ пользу своего положенія основано на опечаткѣ, о которой только намѣренно или по крайнему отсутствію всякой критики можно было не догадаться. Дугошъ (VII, 385, изд. 1711 года) подъ 1268-мъ годомъ разсказываетъ о какомъ-то Теодорикѣ, который былъ родомъ Русскій, и оставивъ *идолослуженіе*, принялъ правую (то-есть, католическую) вѣру: *Theodoricus, genere Ruthenus et qui idolatria relicta, fidem rectam professus est*. Вотъ здѣсь-то вѣра человека русскаго, то-есть, православнаго названа *идолослуженіемъ*. Но отчего было не подумать, что *ruthenus* стоитъ вмѣсто *pruthenus*, тѣмъ болѣе что имя Теодорикъ вовсе не русское, и дѣйствіе происходитъ въ землѣ Кувяской? Если уже мѣсто Дугоша получило такую важность, то отчего было не заглянуть въ Богумала (или его продолжителя), у котораго Дугошъ долженъ былъ почерпнуть свои извѣстія о событіяхъ XIII столѣтія? Тамъ подъ 1268 годомъ читается: *Anno eodem quidem Theodoricus pruthenus baptizatus Bidgostiam castrum et t. d.* (*Sommersberg*, II, 77). Интересно, что и у Кромера, который писалъ по Дугошу, стоитъ *Theodoricus prussus* (р. 164), даже у Нарушевца (V, 125): *Theoderik — prussak*. — Можетъ-быть, не стоило бы останавливаться на критическихъ признакахъ Нарбута, если бы онъ не вводилъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, занимавшихся польскою исторіей.

Другія папскія грамоты, давая различныя права легатамъ, должны были обезпечить усѣхъ ихъ посольства. Всякій, кто сталъ бы противодѣйствовать папскимъ посламъ въ исполненіи порученія, даннаго папою, тѣмъ самымъ подвергалъ себя отлученію отъ церкви, а свою землю интердикту ¹⁾; легаты могли потребовать къ отвѣту предъ папскимъ престоломъ всякаго, кто сталъ бы имъ дѣлать неприятности ²⁾; такъ какъ, бывъ посланы къ Гедимину, „государю Литовцевъ и *многихъ Русскихъ*“, папскіе послы, безъ сомнѣнія, будутъ нуждаться въ вѣрныхъ переводчикахъ на томъ и другомъ языкѣ (*utraque lingua*), то начальствующіе лица орденовъ францисканскаго и доминиканскаго обязываются, по требованію легатовъ, отправлять къ нимъ такихъ лицъ изъ своего ордена, сколько будетъ нужно ³⁾; всѣ духовныя и свѣтскія власти въ земляхъ, гдѣ будутъ проходить легаты, обязаны давать имъ суточное содержаніе: епископу по восьми, аббату по пяти флориновъ въ день ⁴⁾.

Наконецъ, епископъ Варсоломей съ товарищемъ получили въ свои руки папскія грамоты къ Гедимину и къ магистру тевтонскаго ордена. Въ первой, извѣщая Литовскаго князя, о полученіи обоихъ его писемъ и напоминая о ихъ содержаніи, папа изъясняетъ свою радость по поводу намѣренія Гедимина обратиться въ католичество; и доказываетъ, что вѣтъ католической церкви невозможно спасеніе. „И потому съ отеческою любовію жеедемъ, чтобы ты, ускоришь дѣло спасенія своего, удостоился приобщиться къ сонму избранныхъ; *оставивъ совершенно заблужденія схизматиковъ* (*derelictis omnino schismaticorum erroribus*), которыя уклоняютъ отъ пути свѣта на путь мрака, принявъ то, во что вѣруешь, что держитъ и соблюдаетъ мать римская церковь. Мы отправили къ тебѣ наставниковъ вѣры, чтобы ты и народъ твой изъ ихъ спасительныхъ поученій познали сына Божія и удостоились очиститься въ таинствѣ крещенія, такъ какъ *онъ, быть можетъ, еще не возрожденъ онимъ* (*baptismi, qui nondum illo forsitan renati estis*)“.

Что касается до жалобъ Гедимина на тевтонскій орденъ, то Іоаннъ XXII отвѣчаетъ ему: „*Послѣ* принятія тобою христіанской вѣры, мы примемъ вѣры къ тому, чтобы магистръ и рыцари совершенно прекратили притѣсненія и обиды, тебѣ наносимыя, и жили съ тобою

¹⁾ *Turgen.*, I, № 105. *Theiner*, I, № 291.

²⁾ *Turgen.*, I, № 106; *Theiner*, I, № 292.

³⁾ *Turgen.*, I, № 111. *Theiner*, I, № 195.

⁴⁾ *Turgen.*, I, № 104. *Theiner*, I, № 294 и 297.

по братски въ мирѣ. Послѣ твоего обращенія ты найдешь въ насъ такую полноту правосудія и такую ограду защиты, что избравъ насъ и кардиналовъ въ отцы себѣ, будешь этому по справедливости радоваться¹⁾.

Совершенно согласно съ этимъ Іоаннъ XXII писалъ магистру и рыцарямъ тевтонскаго ордена, чтобъ они перестали обижать и притѣснять литовскаго и русскаго Государя, какъ скоро онъ пріиметъ вѣру католическую, и объявлялъ о своемъ намѣреніи разобрать всѣ спорныя пункты у ордена съ Гедиминомъ²⁾.

Гедиминъ говорилъ: пусть прекратятся наслія и обиды со стороны рыцарей, которые доселѣ мѣшали обращенію моихъ предковъ и моему, и я готовъ креститься. Святій отецъ отвѣчалъ: пусть Гедиминъ съ своими подданными крестится, и наслія со стороны рыцарей прекратятся....

Впрочемъ, скоро послышались другія рѣчи съ береговъ Ромы.

Прежде, чѣмъ папскіе легаты, оставившіе Авиньонъ въ одно время съ архіепископомъ Рижскимъ, достигли мѣста своего назначенія, предъ папскою куріей явилось посольство изъ Риги (въ августѣ мѣсяцѣ). Граждане Рижскіе, обвиняемые со всѣхъ сторонъ за свой мирный договоръ съ княземъ литовскимъ, просили, чтобы папа самъ утвердилъ этотъ договоръ. Если бы отношенія папскаго престола къ нѣмецкому ордену оставались прежнія, если бы они не испортились еще болѣе, чѣмъ были испорчены въ маѣ (расположеніемъ ордена къ Людовику Баварскому), то безъ сомнѣнія, просьба Рижанъ не была бы исполнена прежде обращенія Гедимина. Но въ счастію для нихъ, соображенія, которыя заставляли Іоанна XXII сколько-нибудь щадить орденъ, уже потеряли свою силу. Въ концѣ іюля со стороны ордена, все-таки недовольнаго хотя и условными угрозами папы, послѣдовалъ шагъ въ высшей степени непріятный для римскаго престола. Папа объявилъ Людовика Баварскаго лишеннымъ сана и власти и желалъ, чтобы курфирстъ и князья приступили къ избранію новаго императора; но на собраніи въ Рензе его предложенія встрѣтили рѣшительный отпоръ, и главнымъ виновникомъ упорнаго сопротивленія былъ братъ тогдашняго Майнцакаго архіепископа и комтуръ нѣмецкаго ордена Бертольдъ Бухекъ, дѣйствовавшій тамъ, конечно, вслѣдствіе инструкцій отъ высшихъ властей ордена. Послѣ этого, тевтон-

¹⁾ Theiner, I, № 293; Turgen., I, № 198.

²⁾ Theiner, I, № 296; Turgen., I, № 101.

скіе братія не могли разчитывать на какое-либо доброжелательное уваженіе къ нимъ интересамъ со стороны оскорбленного двора Авишюкского. Папа Іоаннъ XXII безусловно подтвердилъ представленный ему трактатъ, уже называя литовскаго князя и его подданныхъ язычниками¹⁾. Онъ требуетъ отъ рыцарей соблюденія договора во имя уваженія къ апостольскому престолу, во имя уваженія къ святости данной клятвы; несоблюденіе этой клятвы, данной, наравнѣ съ другими послами ордена, бывшими въ Вильнѣ, послужитъ къ безчестію на землѣ и къ вѣчной душевной гибели; епископъ Эвельскій, съ двумя членами своего капитула, получаетъ полномочіе слѣдить за поведеніемъ ордена въ этомъ отношеніи и можетъ принудить къ сохраненію мира всѣми церковными наказаніями, которыя найдетъ полезнымъ употребить, при чемъ не допустится никакой апелляціи или ссылки на привилегіи, данныя ордену²⁾.

Епископъ Варооломей и аббатъ Бернардь прибыли въ Ригу 22-го сентября (1324 г.). Первымъ ихъ дѣломъ было обнародованіе документа (*prosessus*), которымъ предписывалось соблюденіе мира, заключеннаго христианами ливонскими съ княземъ литовскимъ въ продолженіи по крайней мѣрѣ четырехъ лѣтъ. Со стороны архіепископа послѣдовали также серьезныя увѣщанія и суровыя угрозы ордену, если онъ окажется виновнымъ въ мажѣйшемъ нарушеніи мира. Не довольствуясь тѣмъ, папскіе послы заранѣе изрекли проклятіе противъ магистра и всѣхъ членовъ ордена, если они осмѣлятся какъ-либо нарушить договоръ. При этомъ они объявили рѣшительно, что трактатъ 2-го октября (1223 г.) обязателенъ одинаково какъ въ Ливоніи, такъ и въ Пруссіи, и что прусскій мѣстный магистръ и члены ордена въ Пруссіи обязаны соблюдать его самымъ строгимъ образомъ, доколѣ это будетъ угодно папскому престолу³⁾.

Послѣ этого папское посольство должно было направить свой путь въ Вильну. Но со времени отправленія Гедиминомъ писемъ къ папѣ прошло уже болѣе года; отношенія литовскаго князя къ представителямъ католическаго христіанства на сѣверѣ были вовсе не дружественны, вовсе не способны поддержать въ немъ расположенія къ католичеству: соображая это, епископъ Варооломей и аббатъ Бер-

¹⁾ *Gediminski, qui iam dudum extitit in paganismi devio constitutus.... paganismi illarum partium — convertatur.*

²⁾ *Raczynski, Codex Lithuan., 34 и 35.* Годъ (1323) поставленъ у Рачинскаго ошибочно.

³⁾ *Bunge, Livländisch. Urkundenb. II, № 706.*

вардъ не рѣшился на немедленное свиданіе съ Гедиминомъ. Они отправили предварительно свое посольство въ Вильну; послы писемныхъ легатовъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ монахъ, посланный прежде въ Авиньонъ Рижскимъ городскимъ управленіемъ со вторымъ письмомъ Гедимина къ папѣ, должны были прежде всего узнать, остается ли князь Литовскій вѣренъ тѣмъ намѣреніямъ, которыя онъ заявилъ предъ главою католическаго міра и предъ всѣмъ католическимъ христіанствомъ.

VI.

О пребываніи въ городѣ Вильнѣ католическаго посольства, отправленнаго изъ Риги папскими легатами, мы имѣемъ теперь самыя точныя свѣдѣнія, заключающіяся въ собственномъ донесеніи пословъ легатамъ ¹⁾.

Въ субботу послѣ праздника Всѣхъ Святыхъ (то-есть, 3-го ноября 1324 г.), около вечерней, послы прибыли въ столицу Гедимина, въ городъ Вильну. Узнавъ о ихъ прибытіи, князь тотчасъ же пригласилъ ихъ къ себѣ. Войдя во дворецъ, послы увидѣли Гедимина, сидящаго посреди своихъ совѣтниковъ, и немедленно представили ему грамоты отъ папскихъ легатовъ, Рижскаго архіепископа, епископовъ Эвельскаго и Дерптскаго, и наконецъ, отъ его давнихъ совениковъ, Рижскихъ ратмановъ. Грамоты были приняты благосклонно, и ободренные этимъ послы сейчасъ же хотѣли приступить къ главному предмету своего посольства, объявивъ, что они имѣютъ порученіе отъ апостольскаго владыки и отъ вышеназванныхъ лицъ переговорить съ княземъ объ известныхъ дѣлахъ. „Теперь уже поздно“, отвѣчалъ Гедиминъ; вы пришли съ дороги и должны послѣ трудовъ отдохнуть и поѣсть въ радость и удовольствіе“ ²⁾.

На слѣдующій день, рано утромъ, послы отправились слушать обѣдню въ церковь миноритовъ, но дорогою встрѣтились съ доминиканцемъ Николаемъ. Зная, что онъ находится въ числѣ приближенныхъ совѣтниковъ Гедимина, послы обратились къ нему съ вопросомъ, остается ли князь вѣренъ тѣмъ намѣреніямъ, которыя онъ заявилъ предъ папой и предъ всѣмъ міромъ; доминиканецъ долженъ былъ также подать добрый совѣтъ, какъ лучше посламъ взяться за исполненіе даннаго имъ порученія. Никакого совѣта братъ Николай дать

¹⁾ Напечатано въ Русско-Ливонскихъ актахъ.

²⁾ Respondit, quod tali hora non expediret, quia venimus de via et post labores debemus recreari et esse laeti ac jocundi.

не хотѣлъ или не могъ; кратко и сухо отвѣчалъ онъ, что намѣренія Гедимины совершенно измѣнились; онъ теперь вовсе не думаетъ принимать вѣру Христову. Съ неудовольствіемъ на своего собрата-монаха послы вошли въ церковь, слушать обѣдню. По окончаніи богослуженія, они обратились съ тѣми же вопросами къ братьямъ миноритамъ, и эти были гораздо сообщительнѣе. „Король, дѣйствительно, имѣлъ доброе намѣреніе сдѣлаться католикомъ, но, увы, пришли и вмѣшались другія, новыя лица, и онъ теперь совершенно измѣнился... Мы цѣлый годъ не были въ его совѣтѣ; одинъ только братъ Николай пользовался въ это время такою честью“¹⁾. Очевидно, минориты имѣли подозрѣніе и не скрывали его, что именно братъ Николай былъ виновникомъ зла, отвратившимъ князя отъ его добрыхъ намѣреній. Послѣ обѣдни, едва послы кончили свою трапезу, ихъ потребовали во дворецъ, куда еще ранѣе были приглашены доминиканецъ Нисолай и двое миноритовъ, Бертольдъ и Гейнрихъ. Князь опять былъ окруженъ своими совѣтниками, которыхъ было до двѣнадцати чловѣкъ. „Намъ это очень не понравилось, потому что мы надѣялись увидѣть короля на единѣ“, замѣчаютъ послы; „посоветовавшись, однако, между собою и зная, что онъ уже отступился отъ своихъ добрыхъ намѣреній, мы нашли нужнымъ начать рѣчь издалека и для пріобрѣтенія его благосклонности стали говорить о прібытіи легатовъ святаго отца, о процессѣ противъ тевтонскихъ рыцарей, о возвращеніи плѣнныхъ и захваченнаго имущества“. Расчетъ былъ не дурной; послы-монахи знали, какая самая чувствительная струна въ сердцѣ литовско-русскаго государя. Слушая разказъ о неприятностяхъ, постигшихъ его враговъ, Гедиминъ видимо радовался и смотрѣлъ благосклонно²⁾. Послѣ этого можно было приступить и къ тому вопросу, который уже начиналъ быть въ глазахъ пословъ затруднительнымъ и щекотливымъ. Послы объяснили Гедимину, какъ его второе посланіе къ папѣ дошло до Авиньона, и какой оно тамъ встрѣтило пріемъ: Рижскіе ратманы, получивъ письмо, въ которомъ Гедиминъ просилъ ихъ взять на себя передачу посланія, были очень обрадованы и тотчасъ же отправили одного изъ пословъ, стоявшихъ теперь предъ Гедиминомъ, къ верховному первосвященнику; посланіе было передано папѣ чрезъ посредство архіепископа Фридриха и было принято „съ невыразимой

¹⁾ Responderunt, quod rex habuerat bonum propositum, sed pro dolor supervenientibus aliis totaliter esset mutatus et aversus, qui quidem per integram annum in consilio suo non fuerunt, sed solum frater Nicolaus.

²⁾ De quo multum regratiabatur ac gaudebat.

радостію“; пана велѣлъ созвать кардиналовъ для совѣщанія и въ присутствіи архіепископа и Рижскаго посла сообщилъ имъ о содержаніи посланія и о намѣреніи и желаніи Литовскаго государя. „Но“, продолжали послы, „свѣтой отецъ не могъ тотчасъ найти лицъ, годныхъ для совершенія великаго и спасительнаго дѣла; только по прошествіи нѣкотораго времени, слѣдуя желанію, выраженному въ посланіи, онъ нашель возможнымъ отправить своихъ легатовъ съ полномочіемъ дѣйствовать отъ его лица. Теперь эти легаты, по Божіему соизволенію, пришли здравы въ городъ Ригу вмѣстѣ съ господиномъ архіепископомъ...“

„Они послали насъ предъ лице ваше пожелать вамъ всякаго блага; а пришли они для ускоренія обращенія вашего въ христіанство, къ чему съ давняго времени стремились вы и ваши прародители. Они (легаты) имѣютъ большое желаніе васъ видѣть, ибо они посланы для спасенія вашего и для возвеличенія вашего царства“.

Гедиминъ спокойно выслушалъ длинное повѣствованіе и потомъ въ свою очередь спросилъ:

„А знаете ли вы, что содержалось въ письмахъ, которыя я послалъ владимѣ апостольскому, господину архіепископу и всему міру?“

„Въ нихъ изъяснялось намѣреніе принять вѣру Христа и креститься“, отвѣчали послы.

„Я не приказывалъ этого писать“, возразилъ князь; „если же братъ Бертольдъ такъ написалъ, то пусть это падетъ на его голову... Пусть окреститъ меня дьяволъ, если только я имѣлъ когда такое намѣреніе“¹⁾.

Затѣмъ Гедиминъ продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

„Я готовъ почитать папу въ отца мѣсто, потому что онъ старше меня, а такихъ я принимаю за отцовъ, и господина архіепископа я равнымъ образомъ почитаю въ отца мѣсто, потому что онъ старше меня; тѣхъ, которые одинаковаго со мною возраста, я считаю братьями, а младшихъ меня — сыновьями“. „Я не запрещаю христіанамъ (католикамъ) служить Богу по ихъ обычаю, не запрещаю Русскимъ идти къ Богу по ихъ обряду и Полякамъ по ихъ обычаю. Предоставьте

¹⁾ Postea quaesivit rex, si sciremus, quid continebatur in litteris, quas domino Apostolico, domino Archiepiscopo et toti mundo destinasset: respondimus quod intentio litterarum fuit, quod vellet recipere fidem Christi et baptizari. Tunc ipse respondebat, quod non jussisset hoc scribere, sed si frater Bertholdus scripsisset, in capud suum redundaret. Sed si unquam habui in proposito, dyabolus me baptizaret.

и намъ почитать Бога по нашему обряду: у всѣхъ насъ одинъ Богъ ¹⁾. И что вы мнѣ говорите о христіанахъ (то-есть, о Нѣмцахъ-католикахъ)? Гдѣ больше несправдливости, зла, насилій, злобы и лихонства, какъ не среди христіанъ, и особенно среди тѣхъ, которые выдаютъ себя за монаховъ, какъ крестоносцы? Нѣтъ зла, котораго бы они не сдѣлали; они брали въ плѣнъ епископовъ, заключали ихъ въ темницы и держали до тѣхъ поръ, пока тѣ не соглашались на всѣ ихъ желанія, другихъ они подвергали изгнанію; они убивали духовныхъ лицъ и монаховъ, городу Ригѣ нанесли величайшія обиды. Съ тѣхъ поръ, какъ завелись здѣсь эти христіане, они никогда не соблюдали того, что обѣщали въ своихъ клятвахъ. Въ прошедшемъ году были здѣсь послы изъ вашей земли; съ общаго согласія, безъ всякаго принужденія, они заключили миръ съ нами отъ имени всего христіанства, подтвердили договоръ клятвою, цѣловали крестъ и нисколько не сдержали того, что было укрѣплено клятвою. Они убили моихъ пословъ, которыхъ я послалъ для утвержденія мира, и не только ихъ однихъ, но многихъ другихъ и много разъ они убивали, брали въ плѣнъ, держали въ тяжкомъ заключеніи... Я не вѣрю болѣе ихъ клятвамъ ²⁾.

Въ сильной и одушевленной рѣчи умнаго князя-язычника насъ прежде всего поражаетъ ясное и торжественное провозглашеніе религиозной терпимости, до которой еще была такъ далека христіанская Европа, и еще болѣе поражаетъ то внутреннее, духовное основаніе, которымъ Литовскій князь объясняетъ свою готовность оставить каждаго молиться по своему обряду. Вѣротерпимость могла быть закономъ политической необходимости для государя, поставленнаго въ такое положеніе, какъ Гедиминъ, но чтобы прійти къ сознанію о единствѣ Верховнаго существа, которому одинаково служатъ и поклоняются каждый по своему—и польскій католикъ, и православный русскій, и литовскій язычникъ, для этого Гедиминъ долженъ былъ стоять выше своего язычества и даже выше своего времени.

Послы-монахи не передаютъ намъ того, какое впечатлѣніе произвела сильная рѣчь Гедимина на нихъ самихъ и на другихъ присутствующихъ. По видимому, занятые однимъ вопросомъ: хочетъ Гедиминъ креститься или нѣтъ, — они остались глухи ко всему другому.

¹⁾ Postea affirmabat, quod vellet tenere dominum apostolicum pro patre, quia est antiquior me..... Et christianos Facere deum suum colere secundum morem suum, rathenos secundum ritum suum, polonos secundum morem suum, et nos colimus deum secundum ritum nostrum, et omnes habemus unum deum.

„Кратко сказать, онъ (Гедиминъ) подтверждалъ все, кромѣ одного крещенія“¹⁾. Вотъ все, что замѣтили въ словахъ Гедимина католическіе послы. Но въ этихъ словахъ было еще нѣчто другое, слышатся отголоски намъ знакомые, хотя и непонятны для представителей западнаго христіанства. Послы ошибались въ томъ, что Гедиминъ не подтверждалъ содержанія своихъ писемъ только въ одномъ пунктѣ крещенія. „Мы уже давно слышали, что всѣ послѣдователи христіанской вѣры должны подчиняться вашей *отеческой* власти... Мы готовы вамъ повиноваться во всемъ, подобно прочимъ христіанскимъ государямъ.... Я признаю, что папа поставленъ отъ Бога пастыремъ и *правителемъ* всѣхъ, кто долженъ спастися“. Вотъ что читалъ Іоаннъ XXII въ грамотахъ, писанныхъ отъ имени Литовскаго князя. Собственноустное подтвержденіе такихъ заявленій послы, безъ сомнѣнія, нашли въ словахъ Гедимина, что онъ и теперь готовъ признавать папу отцомъ. Но они не обратили вниманія на совершенно новую и неожиданную причину, на которой основывается эта готовность. Это не та причина, по которой всѣ послѣдователи христіанской вѣры признаютъ папу отцомъ, и по которой повинуются ему христіанскіе государи. „Я готовъ признавать папу отцомъ, потому что онъ—*старше* меня“. Слова Гедимина съ привиденіемъ такой причины не подтверждали того, что было написано въ его грамотахъ. Они проникнуты тѣмъ же духомъ, какой слышится въ словахъ епископа Полоцкаго Іакова, называющаго и Рижскихъ ратмановъ, и князя Витена, и Полочанъ дѣтьми своими, а митрополита отцомъ, или какой чувствуется въ рѣчахъ другихъ князей литовскихъ, усвоившихъ религіозныя и особенно народныя воззрѣнія епископа Полоцкаго²⁾. Но это было не то, чего желали легаты въ Ригѣ и папа въ Авіньонѣ и послы легатовъ въ Вильнѣ.

Остается еще одинъ вопросъ, самый существенный. Гедиминъ не подтверждалъ своего намѣренія креститься, говорилъ, что онъ не велѣлъ писать этого. Быть можетъ, своего намѣренія креститься

¹⁾ Et breviter dictum, tenorem litterarum totaliter confirmabat, excepto solo baptismo.

²⁾ Довмонтъ, православный литовскій князь, посаженный на княженіе Псковское, говоритъ: «Братья мужи Псковичи! кто старъ, тотъ отецъ, а кто младъ, то ми братъ»... Сказаніе о Довмонтѣ у *Карамзина*, IV, примѣч. 121.—Воншелъ, живя въ Угровскомъ Даниловскомъ монастырѣ, говорилъ: «Вотъ здѣсь подлѣ меня смѣхъ мой Шварячъ, а тамъ господинъ мой отецъ, князь Василько». Полное Собр. лѣтоп. II, 204.

Гедиминъ не подтверждалъ, подобно тому, какъ онъ подтверждалъ свое признаніе отеческой власти папы, то-есть, въ равное время однимъ и тѣмъ же словамъ давая различное значеніе. „Мы готовы принять вѣру католическую (*fidem catholicam recipere*)“;— „мы готовы вступить въ лоно матери церкви“. Когда это читали въ Авиньонѣ, то понимали въ этихъ словахъ крещеніе, но не то думалъ сказать Гедиминъ, когда писались его грамоты. Грамоты писаны по латыни; но диктовались Гедиминомъ, не знающимъ латинской рѣчи, на другомъ языкѣ. Не произошло ли все противорѣчіе отсюда; не было ли намѣреніе Гедимина креститься—простымъ недоразумѣніемъ, въ которомъ повиненъ братъ Вертольдъ, писавшій грамоты и написавшій не совсѣмъ то, что велѣлъ ему написать Гедиминъ?

Эти вопросы были подвергнуты изслѣдованію еще въ присутствіи католическихъ пословъ въ Вильгѣ.

На слѣдующій день, то-есть, 5-го ноября, послы опять были въ церкви миноритовъ, и когда они послѣ богослуженія воротились въ свою гостиницу и кончили здѣсь свой обѣдъ, къ нимъ явились приближенные люди и совѣтники Гедимина, посланные самимъ княземъ. Отъ его имени представителямъ папскихъ легатовъ былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: хотятъ ли съ вашей стороны соблюдать миръ, который былъ недавно заключенъ, и если не всѣ этого хотятъ, то скажите, кто именно хочетъ и кто не хочетъ. „Я самъ“, поручилъ передать Гедиминъ, „готовъ держать миръ, какъ я обѣщаль; а если кто этого не хочетъ, съ тѣмъ я сумѣю справиться“ (*satis dare ad manus?*). Посоветовавшись между собою, послы отвѣчали: „Послѣ того, какъ князь оставилъ свое доброе намѣреніе, о которомъ объявлялъ папѣ, архіепископу и всему міру, мы не знаемъ, что намѣрены дѣлать легаты и архіепископъ съ своими суффраганами. Если князь желаетъ, онъ можетъ съ нами отправить своихъ пословъ, которые принесутъ ему подробнѣйшія свѣдѣнія относительно сохраненія или несохраненія мира“. Гедиминъ принималъ это предложеніе, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы послы, прибывшіе къ нему изъ Риги, взяли на свою голову отвѣтственность за безопасность его собственныхъ пословъ, имѣющихъ туда отправиться. 6-го ноября переводчикъ Гедиминовъ, исповѣдывавшій христіанскую вѣру, пригласилъ пословъ Рижскихъ въ гостиницу братьевъ миноритовъ. Здѣсь они нашли одного важнаго княжескаго чиновника, котораго въ своемъ донесеніи называютъ войтомъ (или намѣстникомъ, *advocatus*), нѣкоторыхъ другихъ приближенныхъ Гедимина, и наконецъ, тутъ же были монахи доминикан-

скаго и францисканскаго орденовъ. Скоро начался допросъ, долженствовавшій объяснить для всѣхъ присутствующихъ исторію появленія писемъ Гедимина и показать, что князь никогда не давалъ обѣщанія креститься, а слѣдовательно, не можетъ быть упрекаемъ въ неискренности данному слову.

Обращаясь къ миноритамъ, княжескій намѣстникъ спрашивалъ: „отъ кого имѣли первое начало письма, посланнаго апостольскому владыкѣ“? ¹⁾ Братъ Гейрихъ, одинъ изъ миноритовъ, принадлежавшихъ къ совѣтникамъ Литовскаго государя, отвѣчалъ на этотъ вопросъ: „Я писалъ ту грамоту, которая была отправлена государемъ съ его собственнымъ посломъ... Посолъ этотъ на дорогѣ подвергся злой участи (отъ рыцарей), былъ заключенъ въ тюрьму, моримъ голодомъ; но письмо было доставлено папѣ“. Дальнѣйшихъ вопросовъ этому монаху не было сдѣлано, какъ будто предполагалось, что первое письмо, отправленное самимъ княземъ съ его собственнымъ посломъ, не содержало въ себѣ ничего, написаннаго безъ воли его, то есть, князя. Предложенъ былъ далѣе вопросъ брату Бертольду, другому изъ миноритовъ, приближенныхъ никогда къ двору Гедимина: „Не ты ли писалъ письмо, что князь хочетъ креститься?“

„Я писалъ письмо, которое было отправлено чрезъ посредство Рижскихъ ратмановъ (consules); все, что я писалъ въ немъ, писано со словъ самого государя ²⁾; именно, что онъ хочетъ быть сыномъ послушанія и прійти въ лоно святой матери церкви, готовъ принимать христіанъ, и братью сказати, умножать вѣру Христову (fidem Christi ampliare), признавая себя человекомъ, находящимся въ заблужденіи“.

„Итакъ, ты сознаешься“, успѣшилъ замѣтить Гедиминовъ савонникъ, „что государь не приказывалъ тебѣ писать о крещеніи“, — принимая, очевидно, слова, переданныя миноритомъ, за собственные выраженія Гедимина, и не находя въ нихъ слова „крещеніе“, которое — предполагается — было прибавлено въ письмѣ.

Если такъ, то мы должны предполагать, что такіа техническія, искусственныя выраженія, какъ „быть сыномъ послушанія, лоно церкви“ принадлежали Гедимину, а монахъ францисканскій перевелъ ихъ на простое, точное и опредѣлительное выраженіе „хочу креститься“. Отвѣтъ Бертольда, по видимому, подтверждаетъ такое объясненіе.

¹⁾ A quo ille littere, domino apostolico directe, primum habuerunt processum.

²⁾ Nihil scripsit nisi ex ore regis.

„Быть сыномъ послушанія и прійти въ лоно матери церкви значить ничто другое, какъ именно крещеніе“, отвѣтилъ братъ Бертольдъ на замѣчаніе княжескаго чиновника, и потому,—дополняемъ съ своей стороны смыслъ отвѣта,—написавъ отъ имени князя, что онъ хочетъ креститься, я написалъ только то, что онъ самъ говорилъ мнѣ.

Но очень можетъ быть, что братъ Бертольдъ въ своемъ отвѣтѣ на первый вопросъ, ему предложенный, думалъ передать не столько то, что именно говорилъ ему устно Гедиминъ, сколько то, что онъ, братъ Бертольдъ, писалъ по приказанію Гедимина. „Я писалъ только то, что слышалъ изъ устъ государя; именно я писалъ, что онъ хочетъ быть сыномъ послушанія“ и т. д. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ возможность предполагать, что въ самомъ посланіи, отправленномъ папѣ, не было слова „крещеніе“, хотя тѣмъ не менѣе монахъ, писавшій, по приказанію Гедимина, посланіе, былъ, разумѣется, убѣжденъ, что онъ говоритъ именно о крещеніи¹⁾. „Итакъ, ты признаешь, что государь не приказывалъ тебѣ писать о крещеніи?“—спрашивалъ сановникъ Гедимина. Если бы братъ Бертольдъ вполнѣ понималъ дѣль вопроса, то могъ бы отвѣтить, что собственно слова „крещеніе“ не было въ грамотѣ, имъ писанной, какъ не было его въ словахъ Гедимина, на основаніи которыхъ онъ писалъ грамоту, но что тѣмъ не менѣе рѣчь шла и тамъ, и здѣсь о крещеніи. Не почувствовавъ того, что вопросъ вертится около буквы, удивленный тѣмъ, что отрицаютъ намѣреніе Гедимина принять крещеніе, о которомъ онъ такъ ясно, притомъ со словъ самаго князя, писалъ къ папѣ, братъ Бертольдъ отвѣчалъ, что быть сыномъ послушанія—значить принять крещеніе. Какъ вы мнѣ говорите, что князь не приказывалъ мнѣ писать о „крещеніи?“ Вѣдь въ грамотѣ, которая писана мною со словъ самаго государя, стояло: „я хочу быть сыномъ послушанія, я хочу встунить на лоно матери церкви“,—а это значитъ именно крещеніе.

¹⁾ Если содержаніе Виленскаго посланія передано въ папской буллѣ точно, то въ ней, дѣйствительно, не было слова «крещеніе»; но въ буллѣ есть выраженія, заимствованныя, по видимому, изъ посланія и очень близкія къ выраженіямъ Бертольда (in persona tua innocentes obedientiae reverentis haberi spiritum. Theiler, I, № 295). Къ несчастію, не все второе посланіе передано въ папской буллѣ, какъ это и замѣчено въ ней. Что слова «крещеніе» не было въ посланіи, можно догадываться и по тому, что папа только въ видѣ предположенія высказываетъ мысль, что Гедиминъ еще не крещенъ. Если бы онъ писалъ: хочу креститься,—то папа могъ бы тѣмъ съ большею увѣренностію заключить, что Гедиминъ еще не крещенъ.

Что такія выраженія не могутъ значить ничего другаго, кромѣ крещенія, это подтвердили какъ послы, пришедшіе изъ Риги, такъ и самъ доминиканецъ Николай. Братъ Бертольдъ могъ теперь считать себя оправданнымъ; но княжескій чиновникъ имѣлъ, очевидно, предвзятое мнѣніе и поспѣшилъ сдѣлать рѣшительное заключеніе, что намѣреніе Гедимина обратиться въ католичество и креститься было не болѣе какъ недоразумѣніе, въ которомъ повиненъ былъ братъ Бертольдъ. „Братъ Бертольдъ надѣлалъ всю эту неприятную для государя путаницу“¹⁾. Доминиканецъ Николай изъявилъ свое согласіе и съ этимъ заключеніемъ, обнаруживая тѣмъ свое недружелюбіе къ миноритамъ и не заботясь о послѣдовательности...

Съ своей стороны мы имѣемъ полное право замѣтить, что такой допросъ вовсе не могъ содѣйствовать разъясненію дѣла, и что очевидно, объ этомъ очень мало заботились. Почему, напримѣръ, не былъ спрошенъ, даже, по видимому, не былъ приглашенъ въ засѣданіе тотъ переводчикъ, который былъ посредникомъ между Гедиминомъ и монахомъ Бертольдомъ? Онъ имѣлъ возможность помнить собственныя выраженія князя на томъ самомъ языкѣ, на которомъ они были произнесены. Онъ, безъ сомнѣнія, читалъ и понималъ подлинный текстъ грамоты, написанной при его посредствѣ; вѣроятно, онъ же переводилъ ее обратно на языкъ, понятный Гедимину, когда грамота была представлена къ его подписи или печати. Будучи христианиномъ и природнымъ Литовцемъ, Геннекинъ (такъ звали переводчика) никакъ не могъ заблуждаться относительно смысла того или другаго выраженія. Его, какъ мы сказали, не пригласили присутствовать при допросѣ; только частнымъ образомъ и нѣсколько послѣ Рижскіе послы обратились къ нему съ своими вопросами, заклиная его святостію Христіанскаго крещенія, спасеніемъ души и страшнымъ судомъ Христовымъ сказать истину. Геннекинъ почему-то считалъ опаснымъ открывать ее; онъ опасался даже за свою жизнь, если узнаютъ о томъ, что онъ не сохранилъ молчанія. Только подъ печатію тайны, сообщенной какъ-бы на исповѣди (*sub sigillo confessionis*), онъ рѣшился отвѣчать посламъ. „Я знаю“, говорилъ онъ, „что государь нашъ имѣлъ твердое намѣреніе обратиться (въ католичество); письма, которыя свидѣтельствуютъ объ этомъ, написаны по его приказанію, при настоячивомъ желаніи съ его стороны; какъ въ немъ произошла перемѣна, я не знаю, но только дьяволъ посылалъ свое сѣмя“.

¹⁾ Frater Bertholdus esset, qui regi fecerat talem confusionem.

Что въ Гедиминѣ произошла перемѣна, это мы должны признать несомнѣннымъ; весь ходъ дѣла, всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія, полученныя послами папскихъ легатовъ, указываютъ на это. Такъ какъ и послѣ перемѣны въ своемъ расположеніи, Литовскій князь не сдѣлался однако врагомъ христіанства, и въ частности католичества, и такъ какъ и послѣ перемѣны онъ готовъ признавать папу отцомъ, то очевидно, до перемѣны было нѣчто другое, нѣчто большее. Пусть остается не рѣшеннымъ, было или нѣтъ во второмъ письмѣ къ папѣ произнесено слово крещеніе; но весь слыслъ и духъ обѣихъ грамотъ говорятъ о готовности принять „крещеніе“, и быть не можетъ, чтобы Гедиминъ не понималъ того, что онъ велѣлъ писать. Нельзя, разумѣется, утверждать, чтобы склонность Литовско-русскаго государя къ католичеству была вполне искреннею. Она была вызвана политическими разчетами, желаніемъ найти защиту и управу противъ непримиримыхъ враговъ литовскаго народа, противъ нѣмецкихъ рыцарей. Очень скоро долженъ былъ разубѣдиться сынъ Витена въ дѣйствительности средства, имъ избраннаго, и очень скоро почувствовалъ колебаніе. „Что я имѣю на сердцѣ, то знаетъ Богъ и я самъ; пусть только прійдутъ скорѣе папскіе легаты, которыхъ я ожидаю съ нетерпѣніемъ“, говорилъ онъ ранѣе посламъ ливонскаго ордена, пришедшимъ для заключенія мира. Папскіе послы не приходили слишкомъ долго, обстоятельства измѣнились, и языкъ Литовскаго государя, съ начала нѣсколько загадочный, сдѣлался вполне яснымъ: „Что вы мнѣ говорите о христіанахъ! Я не вѣрю ихъ клятвамъ; я не хочу креститься“. Онъ не желалъ, однако прослыть человекомъ, невѣрнымъ данному обѣщанію, и воспользовался тѣмъ, что слово „крещеніе“ прямымъ и торжественнымъ образомъ не было произнесено съ его стороны, хотя собственныя подданные и люди, къ нему приближенные, слышали отъ него и это слово ¹⁾). Вся отвѣтственность должна была пасть на францисканскаго монаха, писавшаго грамоту, въ которой, какъ утверждали послы папскихъ легатовъ, изъявлялось со стороны Гедимина прямое намѣреніе принять крещеніе. Если при этомъ Литовскій государь дѣйствовалъ не съ полною искренностію, то были обстоятельства, способныя оправдать его силою необходимости, какъ стороною узнали о томъ и послы, пришедшіе изъ Риги.

Разставаясь съ княжескимъ сановникомъ послѣ допроса, послы просили самымъ настоятельнымъ образомъ, чтобы онъ выхлопоталъ

¹⁾ Verba minatoria habuerunt rutheni contra eum, et propter ista rex — non auferet amplius loqui de *baptismo*.

имъ позволеніе переговорить съ княземъ на единѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей. Тотъ обѣщалъ доложить о ихъ желаніи Гедимину. Но на слѣдующій день (7-го ноября) княжескій войтъ объявилъ, что Гедиминъ не можетъ дать просимой аудіенціи. Князь былъ занятъ съ *Татарами* ¹⁾. Эти Татары, вѣроятно, были послы Убека, также прибывшіе для переговоровъ о мирѣ; и если это были они, то ихъ присутствіе не только могло послужить препятствіемъ для частной аудіенціи въ одинъ какой-либо ближайшій день, но и вообще сдѣлать ее нежелательною для Гедимина и даже опасною... вмѣсто самаго великаго князя представители папскихъ легатовъ должны были сообщить свои секреты его совѣтникамъ. Они опять начали съ историческаго повѣствованія объ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ прибыли папскіе легаты въ Ригу, потомъ старались объяснить выгоды, ожидающія Гедимина, если онъ останется вѣрнымъ своему прежнему намеренію. „Онъ достигнетъ такой чести въ мірѣ, какою только пользуется тотъ или другой государь христіанскій, и даже большей; онъ возвеличитъ свое царство и весь народъ свой... Папа далъ легатамъ всю власть, какая принадлежитъ ему самому лично; чего бы ни пожелалъ Гедиминъ, онъ получитъ не только это, но и вдвое больше; онъ будетъ могущественнымъ и великимъ государемъ, не уступающимъ ни одному государю въ мірѣ“.

Послы Рижскіе просили въ заключеніе, чтобы Гедиминъ письменно отвѣчалъ легатамъ, архіепископу и городу Ригѣ, и получили обѣщаніе, что князь это исполнитъ. Но кажется, Гедиминъ не нашелъ нужнымъ сдержать обѣщаніе, сдѣланное его уполномоченными.

Послы католическіе оставались еще нѣсколько времени въ Вильнѣ; въ Ригу они воротились только 25-го ноября. Аудіенціи съ Гедиминомъ они, какъ видно, не добились болѣе; за то старались ближе разузнать положеніе дѣлъ и причины, побудившія Литовскаго князя отречься отъ своихъ обѣщаній. При этомъ минориты Бертольдъ и Гейнрихъ сообщили имъ, подъ видомъ тайны, извѣстіе о прямой и рѣшительной оппозиціи со стороны Жмудиновъ и Русскихъ противъ католическихъ плановъ ихъ государя и передали слухи о тайномъ участіи въ этомъ противокатолическомъ движеніи рыцарей тевтонскаго ордена. Другія лица, духовныя и свѣтскія, подтвердили то же самое, разказывая, что угрозы жмудскихъ бояръ и православныхъ Русскихъ, неоднократно повторявшіяся прямо въ лицо Гедимину, заставили

¹⁾ Nam cum tartaris erat impeditus.

его отложить свое намѣреніе и не *говорить* болѣе ни слова о (католическомъ) *крещеніи*.

Кажется, вопросъ могъ считаться достаточно разъясненнымъ. Поведеніе рыцарей, нисколько не измѣнившихъ своей враждебности къ Литвѣ послѣ появленія писемъ Гедимина, опасность возстанія со стороны собственныхъ подданныхъ, походъ русскихъ князей на Литву, — по привязанію Узбека, но быть можетъ, вслѣдствіе ихъ собственныхъ опасеній и не безъ участія ихъ прямаго вліянія на ханскую политику, — все это могло принудить даже убѣжденного и вполне искренняго приверженца католической вѣры отказаться отъ ея торжественнаго принятія, а сынъ Витена, безъ сомнѣнія, не былъ такимъ. Не затѣмъ было послѣ этого искать еще какихъ-нибудь виновниковъ неблагоприятной перемены въ Виленскомъ властителѣ. Но братья минориты, косо смотрѣвшіе на доминиканцевъ, указывали такого виновника въ братѣ Николаѣ. Онъ будто бы внушалъ Гедимину, что ни Рижскій архіепископъ, двѣнадцать лѣтъ проживающій при Рижской курии безъ всякаго успѣха въ своей тяжбѣ съ орденомъ, ни самъ папа, живущій слишкомъ далеко, не могутъ дать Литвѣ защиты противъ враговъ, столь сильныхъ и столь близкихъ, что они могутъ погубить ея государя, прежде чѣмъ придетъ ожидаемая помощь. Доминиканецъ Николай находилъ, будто бы, что для Гедимина гораздо выгоднѣе избрать въ защитники какаго-либо могущественнаго государя, напримѣръ короля венгерскаго или же чешскаго. Передавая Рижскимъ посламъ такія рѣчи доминиканца Николая, Виленскіе минориты утверждали, что узнали о нихъ отъ одного изъ товарищей Николая по ордену, который слышалъ уже отъ самаго Николая о содержаніи его бесѣды съ Гедиминомъ. Собрать доминиканца Николая повторилъ но секрету предъ послами то, что они первоначально узнали отъ францисканцевъ. Монашеское соперничество, зависть и вражда между доминиканцами и францисканцами, дѣйствительно, могли заставить брата Николая противодѣйствовать своими политическими совѣтами вліянію миноритовъ, которые одно время пользовались особенною благосклонностію Гедимина и убѣждали его искать помощи въ Ригѣ и Авиньонѣ. Но едва-ли Гедиминъ нуждался въ благоразумныхъ совѣтахъ брата Николая, чтобъ убѣдиться въ безсиліи Рижскаго архіепископа и Авиньонскаго папы помочь ему противъ Нѣмцевъ, когда объ этомъ такъ ясно свидѣтельствовало поведеніе ордена.

Скромные минориты ужъ умѣли пронивать въ домашнія отношенія и семейныя тайны лицъ высоко стоящихъ; ранѣе іезуитовъ они знали,

въ которому полу слѣдуетъ въ этомъ случаѣ обращаться. Одинъ изъ нищенствующей францисканской братіи имѣлъ знакомство на женской половинѣ великокняжескаго двора и этимъ путемъ сообщилъ посламъ очень интересный фактъ. Одна изъ женщинъ, состоящихъ при великой княгинѣ (вѣроятно Ольгѣ, русской матери Ольгерда), разказывала монаху, что послѣ свиданія съ послами изъ Риги Гедимины провелъ тяжелую ночь. Онъ, будто бы, вошелъ въ спальню, взявъ съ собою родственника своего Крудона (или Ерудона), и долго плакалъ самымъ горькимъ образомъ; послѣ нѣкотораго промежутка, снова началъ плакать и въ продолженіи ночи дѣлалъ это три раза. Догадливая женщина нашла и объясненіе слезъ Гедимины; по ея мнѣнію, онъ плакалъ потому, что долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія принять католическое крещеніе. Женскимъ рѣчамъ не всегда слѣдуетъ придавать важное значеніе, но на этотъ разъ по нимъ можно судить, по крайней мѣрѣ, о томъ, какъ распространено было убѣжденіе о намѣреніи Гедимины обратиться въ католичество.

Какъ мы уже замѣтили, послы папскихъ легатовъ воротились въ Ригу 25-го ноября 1324 г. ¹⁾ По свидѣтельству Петра Дуббургскаго, ихъ сопровождалъ собственный посолъ Гедимины, который снова и торжественно заявилъ, что его государь никогда не давалъ положительнаго обѣщанія креститься ²⁾. Папскіе легаты могли теперь въ свою очередь спокойно воротиться въ Авиньонъ. Но ранѣ весны нельзя было пуститься въ море, и потому они остались здѣсь до лѣта. Имъ пришлось еще принять участіе въ торжественной церемоніи, устроенной въ апрѣлѣ 1325 г. архіепископомъ Рижскимъ. Эта церемонія должна была состоять въ проклятій и отлученіи отъ церкви тѣхъ, кто былъ повиненъ въ разрушеніи всѣхъ надеждъ святаго отца и особенно самаго архіепископа на скорое обращеніе сѣверныхъ язычниковъ въ христіанство.

Историкъ ордена, Петръ Дуббургскій, утверждаетъ, что рыцари, узнавъ о подтвержденіи мира, заключеннаго при ихъ участіи съ Гедиминомъ, готовы были перековать свои мечи на рала и копыя на серпы. Не говоря о томъ, что такое превращеніе противорѣчило бы самому свойству ордена и равнялось бы полному прекращенію его существованія, — самые факты свидѣтельствуютъ другое. Правда, вслѣдствіе настояній и протестовъ со стороны папскихъ легатовъ, рыцари

¹⁾ Dusburg. Chronic. S. R. P. I, 192. Hoc anno VII calendas decembris nuncios legatorum Rigam sunt reversi.

²⁾ S. R. P. I, 192.

освободили изъ плѣна одного посла Гедиминова, который прибылъ въ Ливонскую землю уже послѣ подтвержденія мира, но все-таки былъ схваченъ вмѣстѣ съ своими спутниками, ограбленъ и заключенъ въ оковы; теперь плѣнникамъ была возвращена не только свобода, но даже отнятое у нихъ имущество. Но когда товарищи посла, по происхожденію Русскіе, прибыли въ Динабургъ, то тѣ же самые рыцари снова ихъ ограбили ¹⁾. Еще лучше другой примѣръ мирнаго расположенія божіихъ дворянъ. Когда Гедиминъ услышалъ о прибытіи архіепископа въ Ригу, онъ послалъ своего гонца узнать о его здоровьи, но гонецъ былъ схваченъ и повѣшенъ ²⁾. Наконецъ, власти ордена и не думали возвращать Гедиминову двухъ укрѣпленныхъ замковъ, которые должны были отойти къ нему на основаніи договора ³⁾. Такіе поступки должны были вызвать соотвѣтственныя мѣры и со стороны Литовскаго князя, и со стороны архіепископа. Гедиминъ, вслѣдъ за отбытіемъ пословъ, бывшихъ у него въ Вильнѣ, послалъ къ ливонскимъ предѣламъ свое войско, которое 22-го ноября опустошило округъ Розитенскій въ Лифляндіи ⁴⁾.

Архіепископъ, съ своей стороны рѣшился на строгія мѣры. Исчисливъ всѣ старыя и новыя вины ордена, особенно ихъ насильственные и вѣроломныя поступки съ литовскимъ княземъ, объявивъ прямо, что именно поведеніе рыцарей служило и служить препятствіемъ къ обращенію Литвы въ христіанство, онъ предалъ проклятію магистра и орденъ, а землю ихъ подвергъ интердикту. Грозный актъ прочитанъ былъ въ кафедральной церкви Рижской, въ присутствіи одного изъ папскихъ легатовъ (аббата Бернарда), прибыть потомъ при воротахъ храма, переведенъ на языкъ, понятный для народа и еще разъ прочитанъ въ другой церкви предъ народною толпою; отправленъ, наконецъ, по всѣмъ церквамъ Рижской епархіи съ приказаніемъ читать его какъ можно чаще ⁵⁾.

Около 29-го мая 1325 года легаты, посланные папою Іоанномъ XXII для обращенія Гедиминова въ католичество, оставили Ригу, и отправи-

¹⁾ Русско-Ливонскіе акты, № 41, стр. 51.

²⁾ Ibid. № 69, стр. 50, столбецъ 2-й. Ср. Codex prussic. II, 111, pag. 147.

³⁾ Русско-Ливонскіе акты, № 69 въ концѣ.

⁴⁾ Petri Dasburg. Chron. S. R. P. I, 192. Въ то же время Давидъ Гродненскій снова вторгнулся въ Мазовію; тѣмъ было вызвано это второе движеніе, мы не знаемъ; но мазовецкіе князья были въ настоящее время въ союзѣ и дружбѣ съ орденомъ.

⁵⁾ Codex diplom. Prussic. II, № 113.

лись моремъ во Францію. Они потребовали себѣ на дорогу 380 золотныхъ гульденовъ; епископы и рыцари тевтонскаго ордена обязаны были уплатить эту сумму подъ страхомъ церковнаго наказанія. Такъ какъ орденъ отказался съ своей стороны удовлетворить требованіе, то папскіе легаты еще разъ послали ему на прощаніе свое проклятiе ¹⁾.

В. Васильевскій.

¹⁾ Livländisch. Urkunden. II, № 712. Voigt, Gesch. Preussens, IV, 397.